

воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Вооруженные силы юга России

Заключительный

период борьбы

Январь 1919 - март 1920

Очерки русской смуты

Антон Деникин

**Вооруженные силы Юга России.
Январь 1919 г. – март 1920 г.**

«Public Domain»

Деникин А. И.

Вооруженные силы Юга России. Январь 1919 г. – март 1920 г. /
А. И. Деникин — «Public Domain», — (Очерки русской смуты)

В данной книге автор рассказывает о событиях, происходящих в России в 1919 – начале 1920 года: военные действия на юге России, национальный вопрос, отношения с Англией, Францией, Америкой, Балканскими странами; борьба за власть между генералами Вооруженных сил юга России. Повествование заканчивается описанием отъезда генерала Деникина из России.

© Деникин А. И.

© Public Domain

Содержание

Глава I. Операции Вооруженных сил Юга в каменноугольном бассейне, на Донце и Маныче с января по 8 мая 1919 года	5
Глава II. Признание Югом Верховной власти адмирала Колчака	15
Глава III. Наступление ВСЮР весной 1919 года: освобождение Дона и Крыма, взятие Харькова, Полтавы, Екатеринослава и Царицына. «Московская директива». Внутренние настроения	24
Глава IV. Наступление ВСЮР летом и осенью 1919 года. Контрнаступление большевиков на Харьков и Царицын. Взятие нами Воронежа, Орла, Киева, Одессы	35
Глава V. Большевистское наследие в освобожденных районах. Повстанчество и махновщина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Антон Иванович Деникин

Очерки русской смуты

Том V. Вооруженные силы Юга России

Глава I. Операции Вооруженных сил Юга в каменноугольном бассейне, на Донце и Маныче с января по 8 мая 1919 года

Надежды на осуществление плана кампании при поддержке союзных армий давно уже были подорваны, если не совсем потеряны. Приходилось рассчитывать только на русские силы. В предвидении близкого освобождения Северного Кавказа являлся вопрос о дальнейшем направлении Кавказской Добровольческой армии.

В январе намечена была переброска армии на царицынское направление, с одновременным наступлением против Астрахани, для захвата стратегически важного пункта Царицына и нижнего плеса Волги и для установления связи с армиями адмирала Колчака. Это движение в тесной связи с наступлением в харьковском и воронежском направлениях должно было вылиться впоследствии в общее наступление к центру России.

В этом смысле штабу Кавказской армии предложено было разработать план операции. Но к тому времени, когда явилась возможность начать переброску сил, то есть к началу февраля, обстановка на Северном фронте коренным образом изменилась. Первоначальная линия фронта, подходившая к Курску и Воронежу и обуславливавшая возможность выполнения этого плана, с падением гетманской и петлюровской Украины, откатилась уже к Азовскому морю. Донская армия, доходившая до Лиски, Поворино и Камышина, упавшая духом и совершенно расстроенная, находилась в полном отступлении к Северному Донцу и к Салу. Чувство усталости и безнадежности охватило не только казаков, но и часть донской интеллигенции. Советские войска наступали почти безостановочно, направляясь на Новочеркасск. Круг, атаман, правительство указывали на смертельную опасность, угрожавшую Дону, и просили помощи.

На крайнем левом фланге Донской армии, прикрывая ростовское направление, стоял отряд генерала Май-Маевского^[1] – малочисленный, но состоявший из старых испытанных добровольческих полков^[2]. К началу января отряд этот, заняв главными силами район Юзовки, выдвинулся в харьковском направлении до Бахмута и Константиновки, в бердянском – до Пологи. На этой линии, перехватив все пути, идущие с севера и запада к Донецкому каменноугольному бассейну, Май-Маевский, то наступая, то отходя, непрестанно маневрируя, с необыкновенным упорством выдерживал напор значительно превосходящих сил: левого крыла Украинского и правого – Южного большевистских фронтов.

На это направление сосредоточено было особое внимание Москвы: там бился пульс хозяйственной жизни страны. И Бронштейн-Троцкий в своих приказах-воззваниях неустанно призывал «пролетариат... вперед – на борьбу за советский уголь»: «В первую голову нам нужен уголь. Фабрикам, заводам, железным дорогам, пароходам, домашним очагам смертельно нужен уголь... В Донецком бассейне зарыт великий клад, от которого зависит благополучие, процветание и счастье всей страны. Этот клад необходимо добыть с оружием в руках...» «Донецкий

¹ Вначале самостоятельный, потом входил в состав Крымско-Азовской армии, а с марта – Кавказской Добровольческой. (Здесь и далее примечания автора).

² Последовательно там собрались Корниловский, Марковский, Дроздовский, Самурский, 1-й и 2-й конные полки с их артиллерией, и к маю подошел Алексеевский (бывший Партизанский) полк и другие части.).

фронт является сейчас, без всякого сомнения, важнейшим фронтом для всех советских республик. Говоря это, я не забываю о Петроградском фронте, но вполне сознательно считаю, что потеря Петрограда не была бы для нас так тяжка, как длительная потеря Донецкого бассейна. Поскольку советская республика является сейчас крепостью мировой революции, постольку можно сказать, что ключ этой крепости находится сейчас в Донецком бассейне. Вот почему все внимание сосредоточивается сейчас на этом участке обширнейшего фронта советской республики».

Нечего и говорить о том, какое значение имел этот вопрос и для нас – для областей Юга и для всего черноморского транспорта.

Передо мною встала дилемма: приводить ли немедленно в исполнение первоначальный план движения главными силами на Царицын и, следовательно, бросить на произвол судьбы Дон и отдать большевикам каменноугольный бассейн... Или, не оставляя царицынского направления, сохранить Донецкий бассейн – этот огромной важности плацдарм будущего нашего наступления, сохранить от окончательного падения и разложения Донское войско. Без малейших колебаний я принял второе решение, и с начала февраля на север потянулись эшелоны Добровольческой армии – в голове Кавказская дивизия генерала Шкуро, за ней 1-я Кубанская дивизия корпуса генерала Покровского, 1-я Терская дивизия и другие части.

Появление помощи оказало решительное влияние на поднятие духа Войска Донского. Имевшая в декабре на фронте свыше 50 тысяч бойцов, Донская армия отошла за Донец с 15 тысячами. Противник нажимал все сильнее в сторону Новочеркасска и в феврале в нескольких местах между Доном и Юго-Восточной железной дорогой прорвался уже через Донец. Во второй половине февраля, однако, донские дивизии переходят в короткие контратаки и с большими потерями отбрасывают противника за реку. Моральное состояние донских войск крепнет. Разлитие Донца вскоре делает этот фронт пассивным, и отступление прекращается.

Большевистские дивизии начинают постепенное передвижение к западу. В районе Луганска вырастает новый сильный кулак красных войск, а южнее возобновляются жестокие, кровопролитные, но безрезультатные атаки на корпус Май-Маевского на фронте Дебальцево – Гришино. Имея разновременно 3–6 тысяч против 10–30 тысяч большевиков, Добровольческий корпус наносит им ряд поражений, и к концу февраля наши сводки отмечают впервые на донском фронте признаки некоторого разложения красных: «части начали митинговать, иногда отказываясь от наступления, а некоторые из них расформируются...»

Только на крайнем правом фланге, на царицынском направлении, донские войска, в значительной мере потерявшие боеспособность, под напором конницы Думенко медленно, но почти безостановочно отходили к Манычу.

К началу марта стратегическое положение на Северном фронте Вооруженных сил Юга было таково:

1. На царицынском направлении донские войска генерала Мамонтова, номинально 5–6 тысяч, придержались несколько между реками Салом и Манычем, опираясь левым флангом в Дон против станицы Константиновской, и правым – в Манычские озера.

За Манычем сосредоточивалась группа генерала Кутепова, частью в районе Великокняжеской, частью южнее у Дивного – Приятного. Численность ее была 9–11 тысяч, но, кроме 2-го Кубанского корпуса генерала Улагая, прочие части ее находились в стадии формирования, и боевой эквивалент их был невысок^[3].

2. Прикрываясь Донцом, располагались главные силы Донской армии генерала Сидорина – около 12–13 тысяч, имея на левом фланге в луганском направлении активную группу генерала Коновалова.

³ Горская дивизия, кадры формировавшихся на Дону бывшей Астраханской армии, затем Саратовского корпуса, и так далее.

В районе Александро-Грушевского, севернее Новочеркасска, сосредоточивались дивизии генерала Покровского и Шкуро, перебрасываемые также на луганское направление.

3. От станции Колпаково на Волноваху и Мариуполь шел фронт Кавказской Добровольческой армии⁴], насчитывавшей всего с подошедшими дивизиями 12 тысяч бойцов. Ввиду наличия одной только железнодорожной магистрали, связывавшей Кавказ с Донецким районом, сосредоточение войск шло крайне медленно.

Таким образом, на всем 750-верстном Северном фронте ВСЮР стояло 42–45 тысяч штыков и сабель⁵]. В группировке по различным участкам фронта численное соотношение не играло существенной роли ввиду крайне разнообразной боевой ценности войск. В этом отношении Кавказская Добровольческая армия, прикрывавшая Донецкий бассейн, и конные донские дивизии, действовавшие на луганском направлении, представляли из себя тогда наиболее прочную и внушительную силу.

С севера на юг наступали советские армии Южного (подполковник Гиттис) и Украинского (Антонов-Овсеенко) фронтов. Ввиду неудавшейся операции по захвату Новочеркасска прямым наступлением с северо-востока 8-й и 9-й армиями советское командование изменило план и приступило к перегруппировке.

1. Вдоль железнодорожной линии Царицын – Тихорецкая наступала, пока еще только конными частями, 23-тысячная 10-я армия полковника Егорова, в состав которой вошла и степная группа, около 10 тысяч, действовавшая восточнее по большому Ставропольскому шляху.

2. По Дону от Чира до устья Донца и по Донцу до впадения Луганчика на широком фронте раскинулась 9-я армия полковника Всеволодова силою в 28 тысяч⁶].

3. Западнее, сдвинувшись с воронежского направления, 8-я армия штабс-капитана Тухачевского, около 27 тысяч, производила вкруговую переброску войск на правый берег Донца, в район Луганска.

4. Южнее до Юзовки был фронт 13-й армии Кожевникова, из украинских формирований, усиленной к тому времени до 20–25 тысяч, с главными силами в направлении Никитовки.

5. В районе Юзовки находился стык Южного и Украинского большевистских фронтов, причем на левом фланге последнего развернулась 2-я Украинская армия (позднее 14-я, включавшая «украинские» дивизии, повстанческие отряды Махно, Опанасюка и другие). Эта группа, усиленная до 20–25 тысяч, располагалась главными силами против Юзовки – Волновахи; далее по линии Бердянск – Мелитополь – Перекоп (исключительно) стояла особая Крымская группа.

Таким образом, против Северного фронта Вооруженных сил Юга большевики располагали силами в 130–150 тысяч, расположенными в двух главных группах: на царицынском направлении – 10-я армия и на линии Луганск – Волноваха – 8-я, 13-я и большая часть 2-й Украинской армии. Как следовало из полученных нами позднее в половине апреля сведений из Москвы, советским войскам поставлена была задача уничтожить группу, прикрывающую Донецкий бассейн, для чего: удерживая в центре линию Донца и Дона, нанести главный удар тремя армиями в юго-восточном направлении на Ростов – Новочеркасск⁷], одновременно угрожая нашему тылу ударом по Великокняжеской.

2 марта мною отдана была армиям директива, впоследствии несколько видоизмененная в деталях, но в общем ставившая войскам следующие основные задачи: 1) продолжать переброску войск с Кавказа в донецкий район; 2) активно обороняться на Западном фронте Донец-

⁴ За болезнью генерала Врангеля временно командовал генерал Юзефович.

⁵ Считая и части, прикрывавшие тогда перешейки в Крыму. Остальные силы находились частью в пути, частью на Северном Кавказе и на побережье Черного моря.

⁶ После перегруппировки.

⁷ 8-я армия направлена была правым берегом Донца.

кого бассейна, а также по Донцу и Дону, правым флангом Кавказской Добровольческой армии и левым флангом Донской нанести удар главной массе противника, направляя его на фронт Дебальцево – Луганск; 3) группе генерала Кутепова, по сосредоточении, совместно с правым флангом Донской армии наступать в царицынском направлении, имея ближайшей целью отбросить большевиков за реку Сал.

С конца февраля началось жестокое сражение. На всем пространстве между Азовским морем и Донцом перешли в решительное наступление советские армии, в 3–4 раза превосходившие нас численно. В районе между верхним Миусом и Донцом^[8] шли встречные бои между 8-й армией и частью 13-й и нашей ударной группой. Корпуса генералов Коновалова (донской), Покровского (кубанцы и донцы) и Шкуро (кубанцы и терцы), непрестанно маневрируя, наносили один за другим удары советским армиям. В бесчисленных конных атаках они несли тяжелые потери, но наносили противнику еще большие, расстраивая его морально, наводя панику в ближайшем тылу и парализуя наступление неприятельских армий. С большим порывом действовал генерал Коновалов и, преследуя разбитые части большевиков, дважды врвался в Луганск...

На Западном фронте в совершенно исключительной обстановке корпус генерала Май-Маевского^[9] вел «железнодорожную войну», применяя особые методы тактики ввиду подавляющего превосходства сил противника. Пользуясь густою сетью железных дорог Донецкого бассейна, он занимал небольшими отрядами важнейшие пункты по линии фронта и держал в тылу на узловых станциях бронепоезда и в вагонах подвижные резервы, которые бросались в угрожаемом направлении, с тем чтобы на другой день, иногда в тот же, переброситься в противоположный конец фронта. У противника создавалось впечатление нашей силы на всех направлениях, но это были одни и те же люди, бессменно, изо дня в день, дерущиеся то там, то здесь, отдыхающие в пути, в вагоне, потерявшие представление о времени суток, истомленные физически, но полные мужества. Недели, месяцы по всему фронту гремели выстрелы, станции переходили из рук в руки, лилась кровь, добровольческие части таяли, но продолжали бороться.

Волна советских войск, захлестнувшая уже Северную Таврию, заливавшая Донецкий бассейн, спадала опять – разбитая и распыленная.

В середине марта после переброски новых крупных советских сил наступление на этом фронте возобновилось с особенной силой в направлении Дебальцево, Гришина и Мариуполя. Фронт Кавказской Добровольческой армии был потеснен. Мы оставили Юзово, Долю, Волноваху, Мариуполь. Ввиду этого коннице генерала Шкуро, взявшей 17-го Дебальцево, была дана задача ударить по тылам Западного фронта. В течение двух недель – с 17 марта по 2 апреля – он прошел от Горлова до Азовского моря, наводя страх на большевиков, разогнав, порубив и взяв в плен несколько тысяч человек, бронепоезда и другую военную добычу^[10]. Между Волновахой и Мариуполем генерал Шкуро разгромил, между прочим, «дивизию» Махно, полки которого, как сообщалось в донесении, «обратились в паническое бегство, бросая оружие, шубы, шинели и даже сапоги...». По мере движения конницы и одновременно с нею переходили в наступление войска генералов Май-Маевского и Виноградова, вновь занимая утерянную временно линию.

8 апреля «товарищ» Сокольников, член революционного Военного совета Южного фронта, телеграфировал в Москву:

⁸ Примерно между Луганском и станцией Колпаково.

⁹ На крайнем левом фланге его в районе Мариуполя был сводный отряд генерала Виноградова из Сводно-гвардейского полка и частей бывшей на Дону расформированной Южной армии.

¹⁰ В этом и позднейших сражениях надлежит отметить боевое сотрудничество с генералом Шкуро и оперативное руководство корпусом его доблестного начальника штаба генерала Шифнер-Маркевича.

«Замедление операций на Южном фронте объясняется разложением N-ской армии (вероятно, 13-й?), а также полной небоеспособностью частей Махно. Противник получил отсрочку, которую великолепно использовал... Вместо разбитой Донской армии перед нами стоит новая армия с более свежими силами, чем наши... Наше положение еще нельзя считать поколебленным, но за последние два месяца соотношение сил изменилось в пользу противника».

Советская статистика в феврале, марте и апреле давала официальные цифры дезертиров Южного фронта соответственно в 15, 21, 23 процента.

О «превосходстве» нашем в силах упоминалось постоянно в речах и воззваниях Троцкого: «Наши армии встретились на своем пути с очень многочисленными и свежими (!) деникинскими войсками...», «на многих участках фронта они превосходят нас численно вдвое, втрое...».

Силы Кавказской Добровольческой армии, вместе с донцами ударной группы, не превосходили в ту пору 15–16 тысяч, и успехи наших войск должны быть отнесены исключительно за счет их доблести.

В то время как на Западном фронте разбивался нами напор трех ударных армий, 9-я советская армия на линии Донца не оставалась пассивной. Неоднократно части ее переправлялись в разных местах на южный берег, но попытки их отражались донцами. В конце марта большевики предприняли здесь операцию крупными силами, перейдя реку одновременно у Каменской и Усть-Белокалитвенской^[11], отбросили донские части и начали распространяться в глубь района. Но снятый с луганского направления конный корпус полковника Калинина^[12] разбил и сбросил в реку большевиков у Каменской и, повернув к Калитве совместно с корпусом генерала Семилетова, с таким же успехом повторил удар и здесь. Повторенные в первой половине апреля попытки 9-й армии переправиться в низовьях Донца окончились также полной неудачей, и на этом фронте наступило затишье.

Одновременно с переправой у Каменской на луганском направлении противник, воспользовавшись ослаблением там наших сил, продвинулся вперед, но переброшенные туда вновь корпуса Калинина и Шкуро, совместно с другими левофланговыми частями Донской армии, в 20-х числах апреля с большим уроном отбросили противника за реку Белую.

Донское войско явно выздоравливало от того повального маразма, который охватил его в январе, вновь приобретало веру в себя, в свои силы, в возможность дальнейшей борьбы. Продолжались еще явления боевой неустойчивости и развала, требовавшие даже воздействия вооруженной силой, но масса очнулась. Донское командование использовало умело прочные части для маневра и деятельно вело реорганизацию армии, упраздняя не отвечавшее силам давление на «фронты», «армии», сводя в нормальные части многочисленные отряды – наследие партизанства, ополчения и развала.

Очнулись и казаки Верхне-Донского округа, некогда «воткнувшие штыки в землю», подчинившиеся советской власти и погубившие фронт. Восстание там вспыхнуло неожиданно для большевиков и приняло широкие размеры. Мы узнали о нем в начале марта, но лишь позднее, в апреле, когда донцам удалось установить воздушную связь с восставшими, обнаружили потрясающие картины большевистского властвования на Дону. Со всех сторон неслись вопли, рассказы о массовых злодеяниях, об осквернении церквей, о поджогах и грабежах, об изнасиловании женщин и детей... «Душа казака не вынесла такого испытания», – писал окружной совет восставших. Они просили передать своим одностаничникам на Донце, что «их матери, жены, дети, еще оставшиеся в живых, с изможденными лицами, оборванные и голодные, просят помощи».

¹¹ На железнодорожном направлении Воронеж – Ростов и Лихая – Царицын.

¹² Был переброшен с царицынского направления.

Летчиков встречали колокольным звоном и забрасывали цветами. Вести с донецкого фронта подняли еще более настроение восставших, а вести оттуда заставили призадуматься малодушных на фронте.

По большевистской терминологии, это было «кулацкое восстание», хотя даже Бронштейн в своих воззваниях не считал возможным отрицать, что «казаки терпели несправедливости от отдельных проходивших воинских частей и отдельных представителей власти». Советское командование для усмирения восстания снарядило «экспедиционный корпус» из состава 9-й армии, но он успеха не имел. Бронштейн писал пламенные воззвания, посылал «прекрасные подкрепления, лучших работников-организаторов» и требовал «нанести быстрый, суровый, сокрушающий удар». Но шли недели за неделями, экспедиционные войска терпели неизменно неудачи^[13], район восстания ширился, и к апрелю у восставших насчитывалось до 30 тысяч бойцов и 6 орудий. У них не хватало оружия и патронов, но зато было мужество отчаяния.

Восстание в тылу ставило советское командование в весьма рискованное положение.

В конце концов, к середине апреля, то есть через полтора месяца после начала наступления советских армий, войска Кавказской Добровольческой и Донской армий стояли на той же линии, сохранив Донецкий каменноугольный бассейн и донской плацдарм.

Менее благополучно складывалось положение на маньчжурском фронте. В середине марта большевики, отбросив наши части от Великокняжеской к Маньчжу, вследствие разлива реки держали себя пассивно. И лишь на крайнем южном фланге в ставропольском направлении продолжали непрерывные атаки, неизменно отражаемые кубанцами генерала Улагая. Но в конце месяца 10-я советская армия перешла вновь в наступление и отбросила наши части за реку на всем нижнем течении Маньчжу. Один из донских корпусов, совершенно разложившийся, ушел за Дон, отдав большевикам неиспорченный мост и станицу Богаевскую – в одном переходе от Новочеркасска. Сводные части великокняжеской группы генерала Кутепова также не проявили достаточной стойкости, и с 12–14 апреля противник стал переправляться на левый берег Маньчжу, угрожая Владикавказской железной дороге, тылу и сообщениям Кавказской Добровольческой и Донской армий.

На очереди стояла серьезная задача парировать этот удар...

Кавказской Добровольческой армией командовал временно начальник штаба генерал Юзефович. Генерал Врангель поправлялся после сыпного тифа – сначала в Кисловодске, потом на Черноморском побережье. Юзефович сообщал, что под влиянием перенесенной тяжелой болезни в душе командующего происходит реакция: он говорил, что «Бог карает (его) за честолюбие, которое руководило до тех пор его жизнью», и что после выздоровления он покинет службу и обратится к мирной работе «для своей семьи, для детей...». Считая, что это настроение лишь временное и оценивая боевые качества генерала Врангеля, я послал ему тотчас же письмо, в котором отметил его заслуги и выразил уверенность, что он останется во главе Кавказской Добровольческой армии. Получил в ответ: «...До глубины души тронут тем сердечным отношением с Вашей стороны, которое неизменно чувствовал во все время моей болезни. От всего сердца благодарю Вас и прошу верить, что, если Богу угодно будет вернуть мне здоровье и силы, то буду счастлив под Вашим начальством вновь отдать их на служение дорогой Родине и Армии».

Получая доклады от своего штаба, генерал Врангель был в курсе боевых операций. И он и Юзефович резко расходились во взглядах со Ставкой в отношении плана текущей операции. С февраля сначала Юзефович, потом Врангель многократно и настойчиво добивались изменения этого плана; вокруг вопроса создавалось нервное настроение, далеко выходящее из области чистой стратегии и из специально-технической заинтересованности... Выбор направления на

¹³ Один из советских полков (Сердобский) перешел на сторону восставших.

север или на Царицын неожиданно для меня превращался в лозунг – внешний по крайней мере – более сложных, тогда еще не вполне выявившихся настроений...

Генерал Врангель считал «главнейшим и единственным» направлением на Царицын, дающее возможность установить связь с армией адмирала Колчака. С этой целью он предлагал «пожертвовать каменноугольным районом, в котором нам все равно не удержаться...», оттянуть наши части на линию реки Миус – станция Гундоровская с целью прикрытия железной дороги Новочеркасск – Царицын и, воспользовавшись «сокращением (?) фронта на 135 верст», оставить на правом берегу Дона только Донскую армию, а Кавказскую Добровольческую перебросить на царицынское направление, по которому и наступать, прикрываясь Доном.

Последствия такого решения представлялись мне и начальнику моего штаба с непререкаемой ясностью.

Донская армия тогда только и поддерживалась морально присутствием и соседством добровольцев. Уход их возлагал на донцов задачу совершенно непосильную: прикрытие нового 120-верстного фронта, причем освобождавшиеся 13-я, 14-я и часть 8-й советской армии получали возможность нанести удар во фланг и тыл Донской. Нечего и говорить, что донцы ни одного дня не удержались бы на правом берегу. «Если бы Кавказская Добровольческая армия, – писал с полным основанием генерал Романовский Юзефовичу, – ушла и обнажила левый фланг донцов, не будучи вынуждена к тому силой противника, я убежден, что не только не стали бы донцы защищать никакого плацдарма, но все, что есть у них, развалилось бы совершенно, и мы имели бы за Доном массу беженцев и незначительные донские партизанские отряды¹⁴... Конечно (при этом), на главнокомандующего со стороны донцов, возможно, и кубанцев, легло бы обвинение в предательстве».

Таким образом, план этот приводил к потере не только каменноугольного бассейна, но и правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском, к деморализации Донской армии и к подрыву духа восставших казаков Верхне-Донского округа. Главная масса войск Южного советского фронта (8-я, 9-я, 13-я и 14-я армии) получила бы возможность на плечах донцов форсировать Дон и обрушиться на тыл и сообщения Кавказской Добровольческой армии (Новороссийск – Торговая) или, прикрываясь, в свою очередь, Доном, перекинуться к Волге. Дальнейшее успешное развитие операции к северу от Царицына – армии, линия сообщения которой длиною в 756 верст проходила бы, большей своей частью параллельно фронту и под угрозой противника, – представлялось совершенно неправдоподобным, подвергая армию опасности быть сброшенной фланговым ударом в Волгу. К тому же путь к Царицыну шел, по словам самого генерала Врангеля, через «безлюдную и местами безводную степь», исключавшую возможность местного пополнения и питания.

Мой план был иной.

В полном единомыслии с командованием Донской армии я хотел удержать в наших руках Донецкий бассейн и северную часть Донской области по соображениям моральным (поддержание духа Донского войска и восставших казаков), стратегическим (плацдарм для наступления кратчайшими путями к Москве) и экономическим (уголь). Я считал возможным атаковать или по крайней мере сковать действия четырех большевистских армий севернее Дона и одновременно разбить 10-ю армию на царицынском направлении. А наше победное наступление, отвлекая большие силы и средства советов, тем самым облегчало бы ж значительной степени положение прочих белых фронтов.

Возможно ли это было? В ближайшее время жизнь ответила утвердительно, ответила разгромом не только 10-й, но и 8-й, 9-й, 13-й и 14-й советских армий.

Угроза со стороны 10-й армии становилась весьма серьезной, и штаб мой спешно стал перебрасывать на манычское направление подкрепления. Предстояло немедленно объединить

¹⁴ При отступлении от северных своих границ к Донцу Донская армия с 45 тысяч сошла на 15 тысяч.

командование всем манычским фронтом для предстоящей операции, и я решил поручить это дело генералу Врангелю; в случае же, если состояние его здоровья не позволит, принять непосредственное командование на Маныче на себя. Генерал Врангель находился в то время уже в Екатеринодаре. Поздно вечером 14 апреля к нему зашли генерал Романовский и генерал-квартирмейстер штаба Плющевский-Плющик переговорить по этому поводу.

– Я могу согласиться не иначе, – ответил Врангель в очень резком тоне, – как при условии переброски на царицынское направление всего моего штаба со всеми органами снабжения.

Романовский возразил, что сейчас ввиду тяжелого положения донецкого района убирать оттуда штаб армии немислимо; речь может идти лишь о выделении маленького полевого штаба... И что раз вопрос ставится так, главнокомандующему остается выехать в Тихорецкую и принять руководство операцией в свои руки.

Генерал Врангель отбыл на другой день в Ростов, в штаб Кавказской Добровольческой армии, я 18-го переехал в Тихорецкую для непосредственного командования на царицынском направлении.

18-20-го закончилось сосредоточение войск манычского фронта в трех группах: генерал Покровский^[15] – в районе Батайска, генерал Кутепов^[16] – западнее Торговой и генерал Улагай^[17] – к югу у Дивного в ставропольском направлении. Главную массу группы составляли кубанские казаки.

Противник к этому времени вышел уже на линию железной дороги Батайск – Торговая, и передовые части его подходили на переход к Ростову.

18 апреля я отдал директиву войскам манычского фронта «разбить противника и отбросить его за Маныч и Сал», причем генералу Улагаю развивать успех в направлении Ставрополь – Царицынского тракта, перехватив железную дорогу.

21 апреля началось наше наступление, и к 25-му 10-я советская армия на всем течении Маныча была отброшена за реку. В центре дивизия генерала Шатилова дважды переходила через Маныч, доходя передовыми частями до станции Ельмут, в тылу Великокняжеской, по пути своему разбив несколько полков противника, взяв несколько тысяч пленных и орудия; генерал Улагай перешел Маныч и разбил большевиков у Кормового и Приятного.

Так как форсирование Маныча в низовьях не увенчалось успехом, я оставил для прикрытия его отряд генерала Патрикеева (Командовавший здесь генерал Кутепов вступил в командование корпусом Май-Маевского, предназначенного командовать армией.) и донцов, а все остальные конные дивизии левого крыла и центра 1 мая перевел к устью реки Егорлык. Конная масса из 5½ дивизии должна была нанести решительный удар по Великокняжеской с юго-востока.

Между тем напор противника на корпус Май-Маевского в донецком районе становился все отчаяннее. И 25-го начальник штаба корпуса доносил штабу армии: «Положение на фронте такое, что командир корпуса накануне решения об общем отходе корпуса. Командир корпуса считает, что сохранение остатков корпуса возможно лишь в том случае, если корпус своевременно будет выведен из боя. Время наступило. Нельзя требовать от людей невозможного. Ввиду этого командир корпуса просит директивы от армии, в каком направлении начать отход... Быть может, марковцы восстановят положение, а самурцы снова и снова займут свое расположение... Быть может, корниловцы опять, в сотый раз, отобьют все атаки... Быть может, противник не будет делать того, что подсказывает ему обстановка, здравый смысл и соответствие сил, и начнет митинговать и забастует, – но все это такие элементы, которые командир корпуса, конечно, использует, но на которых он не считает возможным строить свои планы...»

¹⁵ 1-я Кубанская, 2-я Терская дивизии, части Донской армии.

¹⁶ Усиленный Кубанской дивизией генерала Шатилова и Кубанской бригадой генерала Говорущенко.

¹⁷ 2-й конный корпус.

Генерал Врангель ответил выражением уверенности в доблести войск и их начальника и в случае полной невозможности удержать фронт указал отходить, «прикрывая Иловайскую, в таганрогском направлении». Одновременно ввиду грозного положения он просил меня приехать в Ростов и вновь возбудил вопрос об отводе Кавказской Добровольческой армии.

Чувствовался некоторый душевный надрыв, который необходимо было побороть во что бы то ни стало.

Я остался при своем первоначальном решении: сохранение фронта – вопрос необычайной важности; директивы об отступлении не будет; оно может явиться только результатом абсолютной невозможности держаться дольше; в определении этого момента всецело полагаюсь на твердость командира корпуса.

Между тем ввиду настойчиво выраженных пожеланий генерала Врангеля о переводе его на царицынский фронт вопрос этот был предreshен мною окончательно. После окончания Великокняжеской операции войска царицынского фронта должны были составить новую армию под начальством генерала Врангеля, а во главе Кавказской Добровольческой армии, получившей наименование Добровольческой, я решил поставить генерала Май-Маевского, вынесшего на своих плечах всю тяжесть шестимесячной обороны Донецкого бассейна. 30 апреля барон Врангель вновь обратился к начальнику штаба генералу Романовскому об ускорении его переезда на царицынское направление, чтобы попасть к началу операции, тем более, как говорил он, «настроение в городе (Ростове) вполне спокойное, и момент для (его) отъезда наиболее благоприятный». Генерал Романовский, полагая, что «фронт в угольном районе более важный, а здесь (на царицынском направлении) операция протекает нормально», обусловливал время переезда окончанием формирования штаба и, главным образом, оперативной части для генерала Май-Маевского.

1 мая штаб Кавказской Добровольческой армии улавливался со штабом 1-го корпуса относительно линии предстоящего отхода. В тот же день генерал Врангель запросил разрешение прибыть ко мне в Торговую для личного доклада. Цель приезда его 2 мая была несколько непонятна, так как обо всем уже мы переговорили раньше и никаких серьезных новых обстоятельств не появилось. Генерал Врангель повторил опять, что пределы сопротивления перейдены и необходимо отступить. Неожиданным для меня после екатеринодарского эпизода явилось то обстоятельство, что генерал Врангель сразу и охотно принял мое предложение стать во главе конной группы, собранной мною против Великокняжеской. С тремя офицерами Генштаба он выехал к Бараниковской (на Маныче) и вступил в командование группой.

С 1 по 5 мая там шли обстоятельные приготовления к переправе.

Между тем на нашем правом крыле генерал Улагай, выполняя данную ему задачу – наступать Царицынским шляхом с выходом части сил в тыл Великокняжеской с целью перерезать железную дорогу Великокняжеская – Царицын, прошел севернее Маныча более чем на 100 верст, достигнув села Торгового (на реке Сал). В боях у Приютного, Ремонтного, Граббевской он разгромил до основания всю Степную группу 10-й армии, взяв в плен шесть полков 32-й стрелковой дивизии, штабы, обозы, свыше 30 орудий. Встревоженный выходом генерала Улагая на сообщения своей армии, «товарищ» Егоров направил от Великокняжеской наперерез ему шесть полков лучшей советской конницы Думенко. В полдень 4 мая возле Граббевской произошла встреча, причем после ожесточенного боя Улагай разбил конницу Думенко, которая бросилась бежать в беспорядке на запад, преследуемая кубанцами. Один из отрядов Улагая вышел к железной дороге у станции Гашун и разрушил там путь.

Этот успех предрешил исход Великокняжеской операции.

На другой день с рассветом переправилась через Маныч конная группа генерала Врангеля. В трехдневном бою под Великокняжеской, где противник оказывал нам весьма упорное сопротивление, генерал Врангель нанес поражение центральной группе противника и взял Великокняжескую.

10-я советская армия, потеряв за время Маньчской операции (22 апреля – 8 мая) одними пленными более 15 тысяч человек, 55 орудий, расстроенная и деморализованная, поспешно отступала на Царицын, преследуемая всеми войсками маньчского фронта, получившими название Кавказской армии. Командующим этой армией был назначен генерал Врангель.

Войска бывшей Кавказской Добровольческой армии наименованы были Добровольческой армией. Во главе ее стал генерал Май-Маевский^[18].

От генерала Май-Маевского с тех пор тревожных сведений не поступало, 4 мая противник на всем донецком фронте перешел вновь в общее наступление, которое было отражено с большим для него уроном, и Добровольческая армия, перейдя в контрнаступление, в течение нескольких дней овладела вновь всем юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленников, бронепоезда и орудия.

В начале мая на всем фронте от Донца (левый фланг Донской армии) до Азовского моря в стане большевиков наступил моральный перелом. Огромные потери, понесенные в боях и в большей еще степени от дезертирства, ослабили большевистские армии. Они разбиты с сопротивлением добровольцев и казаков, и в рядах их все более, все глубже нарастало паническое настроение. Появление впервые на этом фронте английских танков произвело на большевиков большое впечатление и еще более увеличило их нервность.

В тылу у большевиков было не лучше. 24 апреля поднял восстание против советов атаман Григорьев и, находя живой отклик в населении, вскоре занял Елисаветград, Знаменку, Александрю, подходил к Екатеринославу. Для борьбы с ним направлены были резервы советского Южного фронта. Нарастало столкновение между советской властью и Махно, отражавшееся на положении приазовского фронта... Украина кишела повстанческими отрядами во главе с многочисленными атаманами, не признававшими никакой власти, гулявшими по тылам, расстреливавшими сообщения, осаждавшими не раз и самый Киев. Московские «Известия» констатировали вообще во всей прифронтовой полосе целый ряд «контрреволюционных вспышек», в которых принимали вооруженное участие «не только кулаки и черносотенцы, но и некоторые группы обманутых (!) середняков и бедняков». Причины этого явления официоз видел в бесчинствах советских войск, в тяжести поборов и разверсток и в «самодурстве опьяненных властью помпадуров...».

Большевистские армии явно и быстро разлагались.

Начало мая было резким поворотным моментом в судьбах Вооруженных сил Юга. Фронт большевистский дрогнул, и все наши армии – от Каспийского моря до Донца и от Донца до Черного моря – были двинуты в решительное наступление.

¹⁸ Временно, чтобы дать возможность новому корпусному командиру ознакомиться с особенностями тактики в каменно-угольном районе, генерал Май-Маевский оставался при корпусе, а армией командовал генерал Юзефович.

Глава II. Признание Югом Верховной власти адмирала Колчака

27 мая по поручению «Парижского совещания» в Екатеринодар приехали: генерал Щербачев, Аджемов и Вырубов, как писал князь Львов, для того, чтобы «облегчить (мне) трудную задачу ориентировки в сложной мировой политической жизни». Конкретно вопрос был поставлен о необходимости немедленного подчинения моего адмиралу Колчаку. Со мной беседовали отдельно генерал Щербачев и потом Аджемов с Вырубовым. К удивлению своему, я не чувствовал в их речах никакого пафоса, скорее некоторое смущение – то ли в силу пошатнувшегося положения Восточного фронта наряду с развивающимися успехами армий Юга, то ли потому, что принятая на себя миссия казалась им исключительно трудной и щекотливой. Генерал Щербачев был вообще краток и, передав сущность вопроса, сослался на предстоящее более детальное выяснение его своими спутниками.

Мотивы, которые они приводили в пользу подчинения, сводились в общем к следующему: 1) мощь сибирских армий и огромная, освобожденная ими от большевиков территория, подчиненная адмиралу Колчаку; 2) впечатление, произведенное на правительства и общественное мнение Европы быстрым выходом сибирских войск к Волге; 3) ожидающееся официальное признание союзными правительствами адмирала Колчака при условии объединения в его лице всей Верховной власти; 4) наконец, признание Всероссийской власти сделает невозможным признание власти советской и облегчит нам борьбу с сепаратными течениями.

О признании адмирала Колчака союзниками, в случае подчинения ему Юга, Аджемов и Вырубов заявили в форме категорической, генерал Щербачев – с большей осторожностью: «Союзные представители делали намеки...»

Единственным «документом», причем несколько условным, было обращение Клемансо. Казалось странным, что екатеринодарские представители союзников никогда не поднимали этого вопроса в разговорах со мною.

Я предложил парижским представителям ознакомиться с их поручением «Особое совещание», а последнему обсудить его и дать мне свое заключение.

Весть о предложении прибывшей из Парижа миссии быстро распространилась и вызвала большое возбуждение в политических кругах. Общественные настроения нашли, несомненно, отражения в памятном для участников заседания «Особого совещания» в день 28 мая.

К. Н. Соколов в своих воспоминаниях^[19] пишет:

«После ухода Вырубова и Аджемова „Особое совещание“ приступило к прениям. Разногласия по существу не было, и все сошлись на том, что надо оставить наши отношения к адмиралу Колчаку в прежнем виде до фактического соединения фронтов. Была принята во внимание и возможность лишения нас помощи союзниками, и наши специалисты успокоили нас заявлением, что мы снабжены всем необходимым на продолжительный срок. Я не могу припомнить все доводы, которые приводились против принятия присланных из Парижа советов. Но я помню хорошо ход моих мыслей, кажется, отвечавших настроению большинства. Я доказывал, что при гадательности признания союзниками адмирала Колчака мы, немедленно подчинившись Омску, рискуем напрасно принести немалые жертвы. В отказе от притязания главного командования на государственный суверенитет крылись, как мне казалось, опасности и юридического, и политического

¹⁹ «Правление генерала Деникина».

порядка. Юридически ослаблялась бы наша позиция по отношению к казачьим „образованиям“. Политически мы обязывались бы внезапно и под влиянием извне, автоматически принять политическую программу омского правительства, то есть отказаться от собственного нашего южно-русского политического опыта. К изумлению многих, и лидеры „Национального центра“ как будто уже не защищали тезиса о немедленном подчинении. Астров и Федоров ограничивались тем, что очень решительно подчеркивали огромную морально-политическую важность скорейшего создания единой национальной власти. Впервые, и по такому принципиальному вопросу, „Особое совещание“ было, таким образом, совершенно единодушно... Мы разошлись глубоко взволнованные, условившись собраться на другой день для окончательного принятия нашего постановления».

Другой член «Особого совещания» Н. И. Астров приводит точку зрения «Национального центра» и мотивы, побудившие его изменить первоначальное мнение о необходимости немедленного признания.

«Настроение большинства было совершенно определено против признания Колчака. Нужно было найти формулу, наиболее приемлемую для совещания, единство мнения которого в этом вопросе представлялось желательным.

Содержание моей заключительной речи сводилось к следующему.

...Поставлен вопрос о воссоздании России. Вопрос поставлен не приезжими из Парижа. Они только осложнили его и внесли трудности в его разрешение, ибо отказ от положительного ответа будет истолкован как отказ от признания, как начало борьбы из-за власти. Если не борются вожди, то в их штабах начинается состязание и соревнование^[20]. Нужно вернуть вопрос к его нормальной постановке, освободив от вредных осложнений. Поставленный перед нами сейчас вопрос распадается на две части, смешивать которые не следует: нужно ли немедленное образование национального правительства России – один вопрос и нужно ли для этого немедленное признание Колчака – другой. Основной вопрос об образовании национального правительства, казалось бы, не требует доказательств, он ясен сам собой и подлежит разрешению в положительном смысле. Сложнее вопрос о признании Колчака этой национальной властью. Ходом событий вопрос этот предрешен, и медлить с его окончательным решением нельзя, ибо Европа может признать Колчака без участия в этом признании генерала Деникина и тем отбросить в тень Екатеринодар. С другой стороны, может исчезнуть благоприятный момент для признания России субъектом прав, и внимание Европы может снова повернуться к большевикам. Но без переговоров с Колчаком вопрос все-таки решить трудно. Для переговоров, конечно, нельзя ждать соединения армий и личного свидания вождей. Необходимо срочное сношение с Омском через Париж для выяснения условий признания и, по выяснении их, принять окончательное решение...»

Наконец, третий член «Особого совещания», правый, писал мне впоследствии об этом заседании:

²⁰ По-видимому, слово «штаб» надо понимать фигурально, ибо в настоящем штабе главнокомандующего ничего подобного не было.

«Вопрос этот внес большую сумятицу в умы. Отрицательные стороны признания были очевидны большинству, однако имелись серьезные возражения против того, чтобы оставить все по-старому. Два члена „Особого совещания“, признавая пользу объединения всего Белого движения в одном лице, относились, однако, отрицательно к тому, чтобы таковым был признан Колчак. Близкие к правым кругам, монархически и легитимистски настроенные, эти члены указывали, что признание Колчака вызовет в этих кругах противодействие, недоверие, будет учтено, как переходная мера бонапартизма... Казалось, что если пора возглавить движение, то это надо сделать иначе, другим лицом. Должен сказать, что в легитимистских кругах в этом отношении никогда не было колебания и всегда при всех обстоятельствах тяготение было к одному и тому же имени. Все остальные мыслились как главные сотрудники, предтечи, предшественники. Но эти чаяния были скорее в области внутреннего чувства, а не в виде результата зрелой мысли».

Предложенная Н. И. Астровым формула постановления, принятая единогласно «Особым совещанием» и являвшаяся по существу уклонением от решения вопроса, имела следующую редакцию: «Признавая настоятельно необходимым образование в России единого национального правительства, „Особое совещание“ полагает, что жизненные интересы Российской державы властно требуют, чтобы такое правительство было образовано путем непосредственного соглашения между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком на началах, изложенных в официальном сообщении от 10 апреля текущего года»^[21].

Мне остается еще добавить, что как с прениями в этих заседаниях «Особого совещания», так и с проектом резолюции я ознакомился только при составлении «Очерков».

Тем временем и я – в одиночестве – обдумывал создавшееся положение. Принципиально вопрос о подчинении решен был мною давно, о чем было известно многим. Я предполагал при близком, казалось, соединении без торга, без сговоров и «условий» объявить армиям о подчинении «отныне Верховной власти Верховного правителя», как об естественном следствии установления с ним связи. Принятие этого решения облегчало то обстоятельство, что, не встречавшись ни разу в жизни с адмиралом Колчаком, я тем не менее составил себе о нем определенное представление, как о человеке умном, смелом и благородном.

Вопрос поэтому вызывала лишь своевременность такого акта.

Но соединение территорий затягивалось... Перспектива признания союзниками Всероссийской власти адмирала Колчака представлялась фактором чрезвычайно важным, укреплявшим международное положение новой России... Она требовала оказания адмиралу политической и нравственной поддержки... Факт единения русских противобольшевистских сил не мог не вызвать подъема в армиях и в обществе и лишал почвы наших недругов, сеявших рознь... Наконец, с меня спадало лишнее бремя, облегчая значительно нравственную возможность требовать от других исполнения долга и повиновения.

Вывод был ясен.

Я сказал о своем решении 30 мая И. П. Романовскому. Не ответив ни слова, он крепко пожал мою руку. Мы условились, что пока это останется между нами, а завтра я отдам приказ, который должен быть немедленно и широко распространен. В течение дня составить его, однако, не удалось.

Вечером состоялись проводы уезжавшего в Англию генерала Бриггса, отличавшиеся исключительной сердечностью. Узнав, что экстренный поезд его уходит в Новороссийск не на другой день, как предполагалось, а в ту же ночь, и желая использовать оказию в Константино-

²¹ Политическая декларация правительства Юга.

поль, я тут же на клочке бумаги написал приказ, который и огласил в собрании, после чего приказ был тотчас размножен.

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России

№ 145

30 мая 1919 года.

г. Екатеринодар.

Безмерными подвигами Добровольческих армий, кубанских, донских и терских казаков и горских народов освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России.

Генерал-лейтенант Деникин.

Взрыв патриотического подъема, который охватил собрание, служил первым показателем сочувствия этому шагу.

Верховный правитель в ответ на мой приказ прислал телеграмму:

«С чувством глубокого волнения приветствую Ваше патриотическое решение, продиктованное Вам истинной государственной мудростью. Вы в пору государственного распада и морального разложения великого народа один из первых в ряду славных выступили под стягом Единой России. Ныне Вашим решением Вы подаете пример солдата и гражданина, превыше всего ставящего благо Родины и будущее ее исторических судеб. В великом подвиге служения Вашего России да поможет Вам Бог.

Верховный правитель адмирал Колчак».

Никогда еще общественное настроение не было так единодушно, как в оценке этого события. Никогда в период борьбы проявление общественного удовлетворения не носило таких трогательных и в большинстве искренних форм. Я получил множество телеграмм, писем, адресов со всех концов белой России и из стран расселения зарубежной эмиграции – от отдельных лиц, обществ, групп, правителей и военных начальников. Все эти обращения свидетельствовали, как сильно жаждало русское общество объединения расколотой Родины и... как высоко котируется на бирже мирской суеты власть, отказ от которой или самоограничение вменяются человеку в подвиг.

Я остановлюсь на некоторых откликах, вызванных актом соединения, оставляя элемент личный лишь в тех случаях, когда это существенно необходимо для освещения событий.

Российский посол В. Маклаков в письме из Парижа делился со мною своими впечатлениями:

«Не то важно или, вернее, не только то важно, что Вы устранили ту смуту в умах наших союзников, которую усердно на этой почве подготовляли и раздували всевозможные наши враги. Важнее было то впечатление, которое этот^[22] произвел в смысле «откровения». Вы не подозреваете, какая упорная и тонкая агитация велась лично против Вас; над этим старались и левые партии, и германofilы, и германцы. А мотив всегда один и тот же: реакционер. И когда Вы с такой простотой разрубили узел и в момент Ваших успехов признали Колчака, в этом увидели и оценили наглядное и простое доказательство, что Вы слуга России, а не просто реставратор-честолюбец».

Южные политические организации откликнулись целым рядом заседаний и постановлений, посвященных вопросу признания.

До признания, днем 30 мая, после доклада Аджемова «Совет государственного объединения России» вынес постановление: «Считать, что интересам и достоинству России не отвечает стремление добиваться в срочном порядке признания единой Всероссийской власти в лице главы одной из вооруженных сил, ведущих борьбу за Россию». Мотивы официальные: «предъявление союзниками адмиралу Колчаку условий, являющихся посягательством на независимость России...» Неофициальные – те, которые приведены были выше в словах правого члена «Особого совещания». 3 июня состоялось вновь заседание, в котором «Совет», считаясь со свершившимся фактом, постановил обратиться ко мне с приветствием – «с восторгом встречая зарю светлого русского будущего» и полагая, что «приказ этот является краеугольным камнем вновь зарождающейся Единой и Великой России».

С горячим и искренним сочувствием отнесся к событию «Национальный центр», видевший в нем «выход России из ее разрозненности и слабости – к сплоченности и мощи...». «Союз возрождения» находил, что таким путем устранен главный камень преткновения в отношении его к командованию, так как с признанием адмирала Колчака, обязавшегося созвать Учредительное собрание, не страшна «недоговоренность» политической программы Юга. Мякотин при этих условиях допускал «самую строгую диктатуру в некоторые моменты жизни страны», а Титов писал мне: «Мне лично и через своих сотрудников по союзу городов пришлось услышать, как восторженно был встречен приказ среди низов Добровольческой армии – среди рядового офицерства, студенчества, среди всех тех, которые видят в Добровольческой армии ядро новой, прозревшей России, символ бескорыстного служения возрождающейся Родине...»

Такие взгляды высказывали союзы городов, земств и многие, многие другие.

5 июня состоялось торжественное объединенное заседание трех политических организаций, впервые после разрыва в Одессе засвидетельствовавших «общее согласие взглядов и полное единодушие в высокой оценке акта 30 мая».

Только социалисты, стоявшие левее «Союза возрождения», молчали или утешали себя надеждою на «возможность острых конфликтов» между силами Юга и Востока, «которые в один прекрасный день внесут в историю новую дату, обратную 30 мая...». Но голос их был слаб и робок.

Невзирая на огромное моральное значение объединения Востока и Юга, реальные политические последствия его не оправдали наших надежд. Прежде всего признания Всероссийской власти Верховного правителя державами Согласия не состоялось. В первых числах июня

²² Прекрасный поступок (франц).

Версальская конференция сообщила в Омск свое решение: «Союзные и дружественные державы счастливы, что общий тон ответа адмирала Колчака и его основные положения находятся в соответствии с их предположениями. Ответ содержит удовлетворяющие их заверения о свободе, мире и самоуправлении русского народа и его соседей. Поэтому они готовы предоставить адмиралу и присоединившимся к нему помощь, упомянутую в предыдущем сообщении...»

Это заявление возвращало нас к прежнему положению, оставляя открытым «русский вопрос» во всем его объеме, и не исключало возможности и дальнейших попыток держав прийти к соглашению с советами. Не изменилась политика держав Согласия, и не усилилась их реальная помощь.

Чем объяснить остановку Версальской конференции на полпути? Начальник русского отделения в английском министерстве иностранных дел Грегори говорил русскому поверенному в делах Саблину^[23]:

«По моему мнению, признание адмирала Колчака настоятельно необходимо; но премьер-министр (Ллойд Джордж) не окончательно еще уверен в падении большевиков и не уверен в намерениях русских национальных вождей установить в России демократический режим...»

Официальное лицемерие государственных деятелей, готовых признать советский, каннибальский, какой угодно режим, лишь бы это соответствовало интересам их стран... Конечно, все дело было в наглядном проявлении нашей силы. Но успех наш зависел во многом от широкой помощи союзников, а помощь их ставилась в зависимость от нашего успеха. Получался заколдованный круг.

Большинство западных и южных новообразований в своих заявлениях конференции резко отмежевались от «русской государственной власти». В прежнем неопределенном положении остались и взаимоотношения наши с южным казачеством.

6 июня я собрал у себя атаманов и председателей правительств казачьих войск. Очертил им военно-политическую обстановку и обстоятельства, сопровождавшие признание. Убеждал, что при той розни, при тех центробежных стремлениях, которые существуют на Юге, возможны, быть может, военные успехи, но совершенно невозможно возрождение России. Призывал их идти вместе, признать Верховного правителя, чтобы «дать ему большую возможность во всеоружии силы и власти перед друзьями и недругами России защищать ее кровные интересы». Атаманы ответили ссылкой на «вековую несправедливость в отношении казаков» и на «систематическое отстранение казачества, составляющего оплот вооруженных сил Юга, от государственного строительства».

Еще один заколдованный круг: я недоумевал, как осуществить это сотрудничество, как влить новую струю «казачьего демократизма» в старые мехи «российской бюрократии», когда с октября 1918 года делались бесплодные попытки организации Южной власти путем сговора, когда Кубань отказывалась вовсе от ведения переговоров, и все три войска как раз в эти дни приступали к организации «Юго-Восточного союза» без участия в нем правительства Вооруженных сил Юга – «для закрепления прав, приобретенных казачьими войсками в области государственного строительства России...»^[24], когда враг был у ворот.

Выяснилось в результате, что казачьи войска согласны признать военное возглавление адмирала Колчака, верховную же гражданскую власть оставляют за своими представительными учреждениями.

Словом, российский Екатеринодар отметил акт 30 мая торжественным молебствием с провозглашением многолетия «Державе Российской и благоверному Верховному правителю

²³ Телеграмма Саблина от 3 октября 1919 г., № 706.

²⁴ Телеграмма Харламова Кубанской Раде с постановлением Донского Круга.

ее». А Екатеринодар казачий – торжественными обедами во дворце кубанского атамана при участии четырех атаманов и четырех премьеров, речами и символами, демонстрировавшими казачьи заслуги (несомненные), казачье единение (сомнительное) и казачью суверенность.

7 июня отправлена была за границу миссия во главе с генералом Драгомировым в составе Астрова, Нератова и Соколова. Ввиду невозможности прямой телеграфной связи с Омском на миссию возложено было, по прибытии в Париж, войти в сношение с Верховным правителем, представить ему доклад о положении дел на Юге России и испросить у него необходимые указания и полномочия. Попутно делегация должна была в Париже и Лондоне разрешить ряд не терпящих отлагательства вопросов экономического характера, ознакомиться с положением «русского вопроса», а также осведомить союзные правительства и западноевропейское общественное мнение о положении Юга.

Соколовым был составлен конспект доклада Верховному правителю, в котором в конце предрешался объем моих полномочий. Раз подчинившись, я не считал возможным ставить какие-либо условия, и поэтому в доклад внесено было лишь одно пожелание – о предоставлении Южной власти права внешних сношений по вопросам, касающимся исключительно Юга России, и в согласии с общими директивами Верховного правителя.

Ответ был получен только в конце августа. Верховный правитель излагал общие основания о пределах власти главнокомандующего на Юге России: «Самостоятельное руководство иностранной политикой в пределах вопросов, касающихся территорий Юга... Общее же руководство в области внешней политики, а равно в вопросах денежного обращения, валютной и земельной политики принадлежит Российскому правительству». Главнокомандующему предоставлена была в области управления – полнота власти, в области законодательства – «право издания постановлений, имеющих силу закона, и право помилования». Допускалось образование «междуобластного совета» из представителей отдельных областей и губерний нормального типа.

На практике применение этих норм вызвало некоторые разногласия между ведомствами, как, например, по вопросу о распоряжении черноморским транспортом, иностранной валютой, бывшей на учете «Особого совещания» в Константинополе, и так далее. Но все эти вопросы получали в конце концов благополучное разрешение. Омск предоставлял нам достаточную свободу в деле управления, и только однажды по вопросу проведения земельной реформы Верховный правитель, опасаясь расхождения, высказался о невозможности допустить в этом деле местное законодательство.

13 августа состоялся указ о назначении начальника Управления иностранных дел Нератова товарищем российского Министерства иностранных дел, чем достигалась известная согласованность в направлении внешней политики. Расхождения в ней в сущности не было. Я разделял общие основания, изложенные в декларации Верховного правителя по отношению к новообразованиям; в частности в «польском вопросе» и Омск и Екатеринодар приняли предложенную Сазоновым формулу: этнографический принцип при определении восточных границ Польши и отнесение окончательного решения до Учредительного собрания.

В октябре между нами состоялся обмен мнений по вопросу большой важности – об общем направлении нашей внешней политики, 18-го (нового стиля) адмирал Колчак телеграфировал мне:

«По полученным мною сведениям, положение фронтов генералов Юденича и Миллера чрезвычайно тяжелое.

Положение Восточного фронта осложнилось очень серьезно вследствие предположения союзников снять с охраны линии Омск – Владивосток чешские и польские войска. Положение армий Гольца в Курляндии при неопределенности – пойдет ли он против большевиков или с ними – внушает мне большие опасения за окончательный результат Ваших успехов, имея в

виду двойную игру, проведенную германцами в марте 1918 г. на Украине. Наши отношения к Германии определяются отсутствием всяких сношений и формально продолжением войны; практически же военных действий нет, Брест-Литовский мир аннулирован Версальским постановлением; ныне Германия выступает активно и вмешивается в наши внутренние дела. Представляется необходимым разрешить это ненормальное положение, и надо принять решение о взаимоотношениях с Германией, явно игнорировать которую долее невозможно. Донесите мне поспею Ваше заключение в связи с внутренним положением. № 1326».

В этом обращении между строк чувствовалось нечто более важное, чем урегулирование внешних форм взаимоотношений. Вопрос шел, очевидно, о перемене ориентации. Впоследствии наше предположение подтвердилось. В Сибири, как и на Юге, под влиянием политики союзников, наряду с враждебным к ним чувством, нарастала тогда волна германофильства. Она, по словам Гинса, находила отражение в печати и живой отклик «среди высших чинов армии». Общественные настроения достигли, по-видимому, большого напряжения, так как вопросу этому было посвящено специальное заседание Совета министров. Совет высказал, однако, отрицательное отношение к перемене курса. Как раз в эти дни и была послана приведенная выше телеграмма. По чьей инициативе – не знаю. Но пришла она не обычным путем через Министерство иностранных дел, а из Ставки военным шифром.

Я составил ответ, который был прочтен мною в заседании «Особого совещания» и не встретил возражений.

«Доношу: как бы тяжело ни складывались обстоятельства, их необходимо побороть. Политическая обстановка несколько не изменилась. Немцы по-прежнему ведут борьбу против русской государственности – явно в Прибалтике, Малороссии, на Кавказе и тайно – среди русских партий, применяя старые бесчестные приемы. Версальский мир не закончил борьбу, а лишь приостановил ее и углубил непримиримые противоречия между двумя политическими группировками. В будущем намечаются впервые широкие возможности всеславянского объединения. Союзники оказывают нам реальную помощь, диктуемую, правда, их собственными интересами, но не расходящимися с идеей воссоздания русской государственности. В то же время немцы продолжают политику растления и разъединения, поддерживая русский большевизм и наши центробежные силы. Отсутствие всяких сношений с ними является не слабостью, а силою, придавая устойчивость, прямоту и искренность русской политике в глазах тех, с которыми нам суждено идти по одному пути. № 014158».

По поводу этой телеграммы Гинс говорит: «Адмирал был очень доволен: Совет министров и Деникин помогли ему сбросить тяжелый камень сомнения, который кто-то старательно вдвигал в его наболевшую душу».

И мы шли старым путем, приносившим нам не раз глубочайшие разочарования, потому что иного не было, потому что в сонме и победителей и побежденных национальная Россия оказалась чужой и одинокой.

В сентябре 1919 года получено было письмо Верховного правителя, в котором он, препровождая свой указ от 11 июня, писал мне:

«...Для обеспечения создавшегося ныне единства Русской Армии, ведущей борьбу против большевиков... по моему предложению Совет министров издал закон о создании должности заместителя Верховного главнокомандующего, после чего я указом назначил Вас моим заместителем.

Таким образом, я считаю, что преемственность Верховного командования будет обеспечена. Я решил этот вопрос только в отношении армии, ввиду его спешности; что же касается до преемственности власти Верховного правителя, то я оставляю это положение открытым ввиду большой политической сложности его».

Лояльность омского правительства и сердечные, искренние отношения адмирала Колчака создали простые и легкие взаимоотношения. Так было до декабря, когда от Верховного правителя получена была последняя телеграмма^[25]]:

«Обстановка требует предоставления генералу Деникину всей полноты власти на занятой им территории; я прошу передать генералу Деникину полную уверенность мою, что я никогда не разойдусь с ним в основаниях нашей общей работы по возрождению России».

Эти слова таили в себе гораздо более серьезный смысл, чем тот, который давало их начертание. Но судьба могла ведь изменить свой трагический ход – и я не огласил этого сообщения.

Между тем на Востоке начиналась уже великая драма сибирских армий, и приходила к концу личная драма их вождя.

²⁵ От 19 ноября.

Глава III. Наступление ВСЮР весной 1919 года: освобождение Дона и Крыма, взятие Харькова, Полтавы, Екатеринослава и Царицына. «Московская директива». Внутренние настроения

С мая 1919 года развилось широко наступление армий Юга.

Войска Северного Кавказа выделили отряд для движения на Астрахань. Кавказской армии поставлена была задача – взять Царицын, Донской – разбить донецкую группу противника и, наступая на линию Поворино – Лиски, очистить север области от большевиков, войти в связь с восставшими и отрезать Царицын от Поворина. Добровольческой армии, отбрасывая 14-ю советскую армию к низовьям Днепра, разбить 13-ю и часть 8-й армии на путях к Харькову, 3-й армейский корпус с Ак-Манайских позиций был двинут в наступление для освобождения Крыма, в то время как особый отряд Добровольческой армии, направленный к перешейкам, должен был отрезать большевикам выход из Крымского полуострова.

На Северном фронте к середине мая установилось более благоприятное для нас соотношение сил: против 50½ тысяч войск Вооруженных сил Юга сражалось уже только 95-105 тысяч красных войск Гиттиса.

Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск, отбросив части 8-й и 13-й советских армий, расстроенные и растаявшие, за Северный Донец. На сопротивление 13-й армии не было уже никаких надежд, и советское командование с лихорадочным напряжением формировало новые центры обороны в Харькове и Екатеринославе. Туда стягивались подкрепления, отборные матросские коммунистические части и красные курсанты. Бронштейн со свойственной ему экспансивностью «пред лицом пролетариата Харькова» свидетельствовал о «жестокой опасности», призывал рабочий класс к поголовному вооружению и клялся, что «Харькова мы ни в коем случае не сдадим».

Одновременно в районе Синельникова сосредоточивалась ударная группа из сборных частей бывшей 2-й Украинской армии и войск, подвезенных из Крыма и Екатеринослава, составившая 14-ю армию, во главе которой был поставлен Ворошилов – человек без военного образования, но жестокий и решительный. Советское командование поставило себе задачей вывести из-под наших ударов 8-ю и 9-ю армии, движением во фланг от Синельникова на Славянск – Юзово 14-й армии остановить наше наступление на Харьков и затем одновременным ударом 14-й армии и харьковской группы^[26] вернуть Донецкий бассейн.

План этот потерпел полную неудачу.

14-я армия еще не успела сосредоточиться, как между 23–25 мая Кавказская дивизия корпуса Шкуро разбила Махно под Гуляй-Подем^[27] и, двинутая затем на север к Екатеринославу, в ряде боев разгромила и погнала к Днепру Ворошилова. В то же время южнее группа генерала Виноградова успешно продвигалась к Бердянску и Мелитополю, а 3-й армейский корпус, начавший наступление с Ак-Манайских позиций 5 июня, гнал большевиков из Крыма.

Прикрыв, таким образом, западное направление, генерал Май-Маевский двигал безостановочно 1-й армейский корпус генерала Кутепова и Терскую дивизию генерала Топоркова на Харьков. Опрокидывая противника и не давая ему опомниться, войска эти прошли за месяц 300 с лишним верст. Терцы Топоркова 1 июня захватили Купянск; к 11-му, обойдя Харьков с севера и северо-запада, отрезали сообщения харьковской группы большевиков на Ворожбу

²⁶ Вновь сформированный отряд Беленковича и остатки 13-й армии.

²⁷ 27 июня Махно оставил службу у советов и с небольшим отрядом ушел на Днепр к Александровску.

и Брянск и уничтожили несколько эшелонов подходивших подкреплений... Правая колонна генерала Кутепова 10 июня внезапным налетом захватила Белгород, отрезав сообщения Харькова с Курском. А 11-го, после пятидневных боев на подступах к Харькову, левая колонна его ворвалась в город и после ожесточенного уличного боя заняла его.

16 июня закончилось очищение Крыма, а к концу месяца мы овладели и всем нижним течением Днепра до Екатеринослава, который был захвачен уже 16 числа по собственной инициативе генералом Шкуро.

Разгром противника на этом фронте был полный, трофеи наши неисчислимы. В приказе «председателя Реввоенсовета республики» рисовалась картина «позорного разложения 13-й армии», которая в равной степени могла быть отнесена к 8-й, 9-й и 14-й: «Армия находится в состоянии полного упадка. Боеспособность частей пала до последней степени. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу. Шкурничество процветает...»^[28]

Остатки разбитых неприятельских армий отошли: 13-й и группы Беленковича – на Полтаву, 14-й и крымской группы – за Днепр.

В середине мая началось наступление и Донской армии. Правая группа Мамонтова, форсировав Дон выше устья Донца, в четверо суток прошла 200 верст, преследуя противника, очищая правый берег Дона и подымая станицы. 25 мая он был уже на Чире, а 6 июня, прорвав железнодорожный путь Поворино – Царицын, двинулся дальше, частью вверх по Медведице, частью в тыл Царицыну.

Другая группа, переправившись у Калитвы, направилась по Хопру на Поворино; третья, форсировав Донец по обе стороны Юго-Восточной железной дороги, преследовала отступавшую 8-ю армию красных на Воронеж, в то время как отдельный конный отряд генерала Секретева двинулся на северо-восток прямым путем в район восставших казаков Верхне-Донского округа.

Результатом этого искусного и полного порыва наступления Донской армии было поражение 9-й и части 8-й советской армии, соединение с восставшими и очищение всей Донской области.

В июне донцы вышли из пределов области на линию Балашов – Поворино – Лиски – Новый Оскол и на ней в течение июня – июля вели бои, особенно упорные в воронежском и балашовском направлениях, с переменным успехом.

На Дону царил высокий подъем. 16 июня войско торжественно праздновало в Новочеркасске освобождение своей земли от нашествия красных. А Донская армия, насчитывавшая к середине мая 15 тысяч бойцов, росла непрерывно, дойдя к концу июня до 40 тысяч.

Тотчас же вслед за взятием Великокняжеской Кавказская армия генерала Врангеля начала преследование противника, отступавшего на Царицын. Путь шел малонаселенной степью, прорезывался рядом болотистых речек, представлявших хорошие оборонительные рубежи. 10-я советская армия, прикрываясь сохранившими боеспособность конными полками Думенко, отходила, разрушая единственную железнодорожную линию, питавшую армию, и в двух местах взорвала мосты, на несколько недель задержав тем сквозное сообщение. Поход проходил в обстановке чрезвычайно трудной и полной лишений.

11 мая Кавказская армия настигла противника на Сале и, форсировав реку, опрокинула его. Неприятельской конницей, спасая положение, руководил сам командир 10-й советской армии полковник Егоров и был ранен. Его заменил Клюев. Так шаг за шагом, ведя упорные бои на каждом рубеже, неся большие потери и двигаясь неизменно вперед, в бою 20 мая армия овладела последней серьезной преградой перед Царицыном – позицией на реке Есауловский Аксай. В дальнейшем могло быть два решения: дожидаться починки мостов, возобновления железнодорожного движения и подвоза бронепоездов, танков, самолетов или, использо-

²⁸ От 6 (19) июня, № 113.

вав элемент быстроты и внезапности, гнать безостановочно противника, чтобы на плечах его ворваться в Царицын.

Генерал Врангель принял второе решение, и в начале июня войска Кавказской армии атаковали царицынские укрепленные позиции.

Между тем советское командование спешно подвозило к Царицыну пополнения и новые части из Астрахани и с Восточного фронта – до девяти отдельных полков. Проволока, многочисленная артиллерия и богатые запасы снарядов делали царицынские позиции трудноодолимыми. И двухдневные кровопролитные атаки доблестной Кавказской армии разбились о вражескую позицию. Части понесли опять большие потери, противник перешел в контрнаступление, но моральное состояние его было подорвано давно, и наша армия, отойдя на несколько верст, закрепилась на линии реки Червленной, где и оставалась в течение ближайших полутора недель.

За это время возобновилось железнодорожное движение, подошла на поддержку 7-я пехотная дивизия, переброшенная из состава Добровольческой армии, подоспели технические средства. 16 июня генерал Врангель вновь атаковал Царицын: танки, броневики, бронепоезда прорвали неприятельское расположение, за ними хлынули в прорыв пехота и кавалерия, и первая позиция была взята. Но большевики, подогреваемые пулеметами коммунистических частей, дрались еще упорно на второй – возле города, и только на следующий день войска группы генерала Улагая ворвались в Царицын с юга, в то время как корпуса Покровского и Шатилова обошли город с запада.

10-я советская армия была разбита вновь и отходила вверх по Волге, преследуемая кубанцами.

На пути своем армия генерала Врангеля взяла много пленных, орудий и большие военные материалы поволжской базы, которую большевики решили защищать до последней крайности и, будучи уверены в успехе, вовремя не эвакуировали. Стоил этот успех крови немало. В одном командном составе убитых и раненых было пять начальников дивизий, два командира бригад и одиннадцать командиров полков – свидетельство высокой доблести войск, в особенности кубанцев.

Только отряд из состава войск Северного Кавказа силою до 5 тысяч, направленный генералом Эрдели на Астрахань двумя колоннами – от Святого Креста степью и от Кизляра берегом моря, – не имел успеха. Ненадежность кавказских формирований, пустынная театральность и трудность питания, восстания в тылу – в Чечне и Дагестане – все это повлияло на течение операции. Наконец, до конца июня англичане тормозили передачу нам Каспийской флотилии, и наши ничтожные тогда морские силы не в состоянии были обеспечить береговую линию от сильного красного Волжско-Каспийского флота.

В середине июня колонны подходили на 50 верст к Астрахани, но были оттеснены. Наступление на этом фронте не получило развития и после взятия Царицына. Моральное состояние многих частей было неудовлетворительным, и операция понемногу замирала.

С конца июня англичане сдали нам все суда Каспийской флотилии – около 10–12 вооруженных пароходов и десятков быстроходных катеров. Под командой капитана 1-го ранга Сергея флотилия, с большим трудом укомплектованная, преодолевая ведомственные трения, столкновения с сухопутным начальством и свои внутренние, весьма существенные нестроения, выполняла свою главную задачу: запереть большевистский флот в устье Волги, не допустить подвоз к Астрахани и обеспечить свободное плавание наших судов по водам Каспия²⁹].

К концу июня армии Юга России, преследуя разбитого противника, вышли на фронт Царицын – Балашов – Белгород – Екатеринослав – Херсон (исключительно), упираясь прочно своими флангами в Волгу и Днепр.

²⁹ Связь через Петровск с Гурьевом, Краснодарском, Баку.

20 июня в Царицыне я отдал армиям директиву:

«...Имея конечной целью захват сердца России – Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов – Ртищево – Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее – Нижний Новгород, Владимир, Москву.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин – Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с Запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав – Брянск.

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

...

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач... и блокировать порт Одессу».

Директива 20 июня, получившая в военных кругах наименование «Московской», потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом – населением и армиями. Это чувство нашло отклик там, на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевистским ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления. «Кассандры» примолкли тогда. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги.

Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара в кратчайших к центру направлениях – курском и воронежском, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. В психологическом – она ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной – далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «идти на Москву», и всем давалась эта надежда.

Конец июня и первая половина июля были ознаменованы новыми успехами. На западе Добровольческая армия, отбросив 13-ю советскую армию и группу Беленковича, взяла Полтаву; в низовьях Днепра 3-й армейский корпус, при содействии Черноморского флота и английского крейсера «Карадог», занял Кинбурнскую косу и Очаков, укрепившись в низовьях Днепра; на востоке – Кавказская армия, совместно с правым флангом Донской, разбила вновь перешедшую в наступление 10-ю советскую армию и 15 июля овладела Камышином. Передовые части подходили на 80 верст к Саратову...

Военные операции протекали не без серьезных внутренних трений. Малочисленность наших сил и наша вопиющая бедность в технике и снабжении создавали положение вечного недохвата их на всех наших фронтах, во всех армиях. Выведение частей в резерв главнокомандующего наталкивалось поэтому на огромные трудности. Каждый командующий придавал преимущественное значение своему фронту. Каждая стратегическая переброска вызывала коллизию интересов, обиды и проволочки. Когда с Северного Кавказа мы двигали на царицынский фронт прочные кубанские части, генерал Эрдели доносил, что это «вызовет восстание горских народов и полный распад всего Терского войска...». Генерал Врангель требовал подкреплений

из состава Добровольческой армии, «которая, по его словам, почти не встречая сопротивления, идет к Москве», а генерал Май-Маевский не без основания утверждал, что в таком случае ему придется бросить Екатеринослав или обнажить фланговое полтавское направление... Когда первые отряды танков, с трудом вырванные у Добровольческой армии, направлялись в Кавказскую, донское командование утверждало, что оборона большевиками Царицына «основывалась, главным образом, на огне артиллерии, но отнюдь не на оборонительных сооружениях», и добивалось всемерно поворота танков к себе, на миллеровское направление... Во время операции на Волге генерал Врангель тянул 1-й Донской корпус к Камышину, генерал Сидорин – к Балашову, и оба доносили, что без этого корпуса выполнить своих задач не могут... И так далее, и так далее.

Но если сношения с «Харьковом», «Новочеркасском» и «Пятигорском» имели характер обмена оперативными взглядами и не выходили из пределов дисциплины и подчиненности, иначе обстояло дело с «Царицыном». Не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций. Особенное нерасположение, почти чувство ненависти, он питал к генералу Романовскому и не скрывал этого.

Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество. В борьбу вовлекалось и английское представительство, как я узнал впоследствии. Интрига получала лишнюю благодарную тему, а политическая оппозиция – признанное орудие.

Эти взаимоотношения между начальником и подчиненным, невозможные, конечно, в армиях нормального происхождения и состава, находили благодатную почву вследствие утери преемства Верховной власти и военной традиции и имели прямое отражение на периферии.

Ввиду важного не только военного, но и политического значения, которое приобрели впоследствии наши взаимоотношения, я вынужден остановиться на них несколько подробнее.

В ряде телеграмм за май – август и в обширном письме-памфлете от 28 июля барон Врангель давал яркую апологию своей деятельности и выдвигал тяжелые обвинения главному командованию. Эта переписка вызвала недоумение своей слишком явной подтасовкой фактов, легко опровержимой. Только позднее стало ясным, что письмо предназначено было не столько для меня, сколько для распространения.

На царицынский фронт переброшены были лучшие кубанские части с Северного Кавказа и из Добровольческой армии; это ослабило последнюю до такой степени, что дальнейшее удержание ею каменноугольного района генерал Врангель – тогдашний командующий этой армией – считал невозможным. Наступление на Царицын совершалось в обстановке действительно тяжелой – по опустошаемой большевиками местности, при наличии одной линии полуразрушенной железной дороги. Штаб главнокомандующего, Управления военное и военных сообщений напрягали все усилия, чтобы предоставить армии имевшиеся в их распоряжении скудные средства, и на упрек начальника штаба по поводу сыпавшихся градом несправедливых обвинений генерала Врангеля последний отвечал: «Относительно моих просьб о помощи в отношении моего тыла и в мыслях не имел упрекнуть Вас... Хотел лишь всемерно подчеркнуть, насколько настоящая операция зависит от помощи сверху...»^[30]. А со следующего дня нападки продолжались.

Барон Врангель требовал от Добровольческой армии пехоты, которая не могла быть выведена без срыва операции, усиления техническими средствами, которые не были готовы или не могли быть подвезены до починки разрушенных железнодорожных мостов. Мосты восстанавливались путейским ведомством с большой энергией под наблюдением штаба Кавказской

³⁰ Лента разговора 14 мая 1919 г.

армии, и срок готовности наибольшего из них (через реку Сал) генерал Врангель исчислял не ранее 3 июня^[31]. И хотя время и план операции предоставлены были всецело его усмотрению, 20 мая, когда наступление на Есауловском Аксае начало захлебываться, он телеграфировал: «Доколе не получу всего, что требуется, не двинусь вперед ни на один шаг, несмотря на все приказания...» 22-го, донося об успехе на Аксае, прибавлял: «Неиспользование полностью успеха считаю преступлением... Конница может делать чудеса, но прорывать проволочные заграждения не может». Очевидно, неиспользование успехов Добровольческой и Донской армий на направлениях Харьков, Полтава, Воронеж преступлением не считалось. А в конце мая, рискнув все же атаковать Царицынскую позицию до подвоза технических средств, сообщал: «Мои предсказания, к сожалению, сбылись: остатки армии разбились о подавляющую численность противника...»

В начале июня починены были мосты и немедленно вслед за сим подвезены к армии бронепоезда, танки, новые авиационные средства. Переброшена туда же из Ростова, в ущерб главному направлению, единственная дивизия Добровольческой армии, не втянутая в бой. Это была 7-я дивизия, бывшая бригада Тимановского, в конце апреля прибывшая из Румынии^[32] без обоза и артиллерии и в течение мая с огромным напряжением и поспешностью восстанавливавшая свою организацию... Эти эпизоды были изложены в первом письме в таком виде: «Только тогда, после кровавого урока, армия получила помощь, и... Царицын пал...»

Ко времени взятия Царицына блестящие успехи на курском и киевском направлениях и общая обстановка на театре войны определили вполне наглядно ошибочность идеи генерала Врангеля – движения главными силами на Царицын. Теперь в его глазах волжское направление утратило первостепенное значение, и 18 июня барон Врангель и его начальник штаба генерал Юзефович подали мне записки с предложением образовать конную массу в кратчайших направлениях на Москву – воронежском и курском, под его, генерала Врангеля, начальством. Для этой цели из Кавказской армии предлагалось взять 3½ конных дивизии. Считая, что такое ослабление Кавказской армии угрожает потерей Царицына и выходом большевистских сил вторично в тыл Ростову и нашим сообщениям, я отклонил это предложение. Действительно, как увидим ниже, советское командование в июле сосредоточило в волжском направлении 50-тысячную группу, которая и обрушилась вслед за сим на Кавказскую армию и правый фланг Донской.

В Добровольческую армию возвращена была 7-я дивизия, и в целях организационных приказано было передать туда же 2-ю Терскую пластунскую бригаду^[33], Осетинский конный полк^[34] и батальон^[35], взамен чего, с согласия барона Врангеля, ему посланы были пять горских и инородческих полков. И вот, умалчивая о своем желании перебросить с царицынского на добровольческий фронт 3½ лучших дивизии, одновременно, впрочем, со своим уходом, перечисляя взятые части и не называя приданных, барон Врангель бросает в первом письме такую фразу: «В то время как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления в своем победном шествии к сердцу России^[36], непрерывно увеличивается потоком добровольно становящихся в ее ряды опомнившихся русских людей... Кавказская армия, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на добровольческий фронт последние свои силы...»

³¹ Лента разговора 14 мая 1919 г.

³² После французской эвакуации Одессы.

³³ Тогда небоеспособную, по донесениям генерала Врангеля, сведенную в батальон – 200 штыков.

³⁴ 60 шашек.

³⁵ Не был сформирован вовсе.

³⁶ В ближайшие дни Добровольческой армии был нанесен сильный удар группой Селивачева, проникшей глубоко к нам в тыл к Купянску.

В то время Добровольческая армия занимала фронт около 600 верст, а Кавказская – 40 верст.

Генерал Врангель обвинял Ставку в приостановке предложенной им Астраханской операции, могшей обеспечить ему водный транспорт^[37]. Но не упоминал, что перед тем доносил мне^[38]:

«Начало Астраханской операции намечал лишь по выполнении (Камышинской) и по выходе на более короткий фронт Балашов – Волга».

Барон Врангель жаловался, что после взятия Царицына я отменил обещанный его переутомленным войскам отдых и приказал преследовать противника, но скрыл, что, «учитывая создавшуюся обстановку, (он сам) еще до получения (моего) приказа отдал распоряжение продолжать наступление»^[39].

Кавказской армии не отпускались якобы и кредиты, и «в то время, как там у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одеты, обуты и сыты, в безводных Калмыцких степях их братья сражаются для счастья одной родины оборванные, босые, простоволосые и голодные...».

В каждом слове письма и телеграмм были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы и без того нервной, ревнивой к боевым соседям и плохо разбирающейся в обстановке. Как можно было изменить группировку сил, когда это определялось ясно относительной важностью направлений и событиями на театре войны?.. Кто мог переменить природные условия Задонья и Поволжья и условия комплектования в них армии «русскими» людьми?.. Какими средствами возможно было заставить Кубань слать в армию пополнения или принимать в свои полки «русских» (не казачьих) офицеров?..

На мой запрос по поводу жалоб генерала Врангеля на материальные недочеты начальник Военного управления генерал Лукомский, лицо близкое и дружелюбно расположенное к барону Врангелю, донес мне, что Кавказская армия требует довольствие на весьма большое число людей – в июле на 80 тысяч и в августе на 110 тысяч. Что «кредиты всегда переводились своевременно и жалоб от Кавказской армии на недостаточность кредитов не было»^[40]. Что, наконец, царицынский район вовсе не так уже беден, ибо сам барон Врангель телеграфировал ему^[41]:

«Район широко должен быть использован в продовольственном отношении. Данные силы и средства Кавказской армии недостаточны, чтобы в полной мере использовать богатства района. Необходимо спешно сформировать интендантский округ и приемную комиссию, которые взяли бы на себя эксплуатацию района и заготовки для всех армий...»

И, перечислив все несчастья Кавказской армии, барон Врангель назвал их виновников:

«До назначения меня командующим Кавказской армией я командовал теми войсками, которые ныне составляют армию Добровольческую, числящую в своих рядах бессмертных корниловцев, марковцев и дроздовцев... Борьба этих славных частей в каменноугольном районе – блестящая страница настоящей великой войны... Безмерными подвигами своими они стяжали себе заслуженную славу... Но вместе со славой они приобрели любовь Вождя, связанного с ними первым, „Ледяным“, походом. Эта любовь перенеслась и

³⁷ Ввиду угрозы с севера крупных сил большевиков.

³⁸ Телеграмма от 8 июля, № 01382.

³⁹ Телеграмма от 25 июня, № 01068.

⁴⁰ Телеграмма от 8 августа, № 5128/ОБ.

⁴¹ Почти в одно время с написанием мне письма. Телеграмма без даты (ранее 5 августа), № 1447.

на армию, носящую название Добровольческой, название, близкое Вашему сердцу, название, с которым связаны Ваши первые шаги на великом крестном пути... Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям, которым принадлежат Ваши сердца. Для других ничего не осталось...»

Было больно за тех, чью работу и страдания в каменноугольном районе недавно еще, командуя ими, барон Врангель считал «сверхчеловеческими», тех, которым «отданы были все заботы» и о которых начальник штаба генерал Юзефович писал тогда^[42]]:

«С правого берега (Дона) надо убрать ядро Добровольческой армии – корниловцев, марковцев, дроздовцев и другие части, составляющие душу нашего бытия, надо их пополнить, сохранить этих великих страстотерпцев – босых, раздетых, вшивых, нищих, великих духом, на своих плечах потом и кровью закладывающих будущее нашей родины..» Сохранить для будущего. Всему бывает предел... И эти бессмертные могут стать смертными».

Этим-то людям волею судьбы и в силу стратегической обстановки ни одного дня отдыха не было дано.

Впрочем, «быть может, я ошибаюсь, – писал барон Врангель. – Быть может, причина несчастья моей армии кроется в том, что я, а не другой, стою во главе ее... Благополучие части, к сожалению, сплошь и рядом зависит от того, насколько командир ее пользуется любовью старшего начальника...».

Все это писал барон Врангель «с открытым сердцем» и в то же время с содержанием памфлета знакомил старших военных начальников. Я не считал возможным выносить на улицу эту прискорбную тяжбу подчиненного с начальником и ответил письмом «в собственные руки», приведя ряд фактов в опровержение заведомых наветов. В отношении последнего тяжелого обвинения в лицепряттии я мог бы сказать многое: я выдвинул барона Врангеля на высшую ступень военной иерархии; я уговорил его в минуты потери душевного равновесия остаться на посту командующего (март 1919 года); я предоставил ему, по его желанию, царицынский фронт, который он считал наиболее победным; наконец, я терпел без меры, без конца пререкания, создававшие вокруг Ставки смутную и тяжелую атмосферу и подрывавшие в корне дисциплину. В этом я вижу свою большую вину перед армиями и историей.

На последний вопрос я ответил кратко: «Никто не вправе бросать мне обвинение в лицепряттии. Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокруг меня, но я им значения не придаю и лишь скорблю, когда они до меня доходят».

Барон Врангель писал, что, «как человек (мне) искренно преданный», он «высказал все, что наболело на душе, почитая бесчестным затаить камень за пазухой...». Но высказал он не все – камень таился и весьма увесистый. Непригодный совершенно в дни блестящих успехов армий Юга и при жизни адмирала Колчака этот камень позже был брошен в водоворот разгулявшихся страстей, в трагический момент существования армии.

В широко распространявшемся генералом Врангелем втором, февральском, памфлете имелись, между прочим, такие строки:

«Моя армия освободила Северный Кавказ.

На совещании в Минеральных Водах 6 января 1919 года я предложил Вам перебросить ее на царицынское направление, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, победоносно подходившему к Волге^[43]].

⁴² Письмо ко мне от 30 марта, № 04471.

⁴³ Армии адмирала Колчака в начале января находились в тяжком положении; на юге потеряли Уральск и Оренбург;

Мое предложение было отвергнуто, и армия стала перебрасываться в Донецкий бассейн, где до мая месяца вела борьбу под начальством генерала Юзефовича, заменившего меня во время болезни.

Предоставленный самому себе, адмирал Колчак был раздавлен и начал отход на Восток. Тщетно Кавказская армия пыталась подать помощь его войскам. Истомленная походом по безводной степи, обескровленная и слабо пополненная, она к тому же ослаблялась выделением все новых и новых частей для переброски их на фронт Добровольческой армии, войска которой, почти не встречая сопротивления, шли к Москве.

В середине июля мне, наконец, удалось связаться с уральцами^[44] и с целью закрепления этой связи я отдал приказ 2-й Кубанской дивизии генерала Говорущенко переброситься в район Камышина на левый берег Волги^[45]».

Далее в письме приводятся две телеграммы, которыми обменялись генералы Романовский и Врангель в середине июля. Переоценивая значение победы под Камышином, генерал Врангель 15-го решил перебросить на левый берег один из Кубанских корпусов^[46]. Ввиду сосредоточения новых крупных сил противника в саратовском направлении^[47] и опасаясь за свой правый фланг, генерал Сидорин запросил начальника моего штаба, чем вызвано такое «перенесение центра тяжести операции за Волгу». Начальник штаба обратился с этим вопросом к генералу Врангелю, указав на опасность ослабления его сил на главном направлении. Получился ответ 16 июля: «Переброска частей генерала Говорущенко... имела целью скорейшее соединение с войсками Верховного правителя... Отход уральцев на восток и намеченная передача донцам 1-го Донского корпуса, задержание Добровольческой армией пластуновской бригады и приказание направить туда же терцев в корне меняют положение. При этих условиях не только перебросить что-либо на левый берег не могу, но и от всякой активности в северном направлении вынужден отказаться».

Положение за сутки (15–16) не только «в корне», но никак не изменилось. Армии известно было, что Донской корпус придается ей только на время Камышинской операции, приказание об отправке терцев получено было генералом Врангелем (и не исполнено) еще 20 июня, а эшелоны кубанских пластунов двинулись в Кавказскую армию в тот же день, 1 августа, когда выступили эшелоны терцев в Добровольческую.

Если к этому прибавить, что 20 июня генерал Врангель сам предлагал бросить направление вдоль Волги, оставив на нем лишь заслон и увести на харьковское 3½ дивизии, что в первом памфлете он, наоборот, жаловался на ослабление его сил переброской на левый берег Волги дивизии Мамонтова^[48], что центр сибирских армий, начав отступление в половине апреля, к тому времени был уже на марше к Челябинску^[49], что ближайшие части давно уже изолированной Уральской армии, имевшей к тому же задачу наступать не к Волге, а на север^[50]

Западная армия удерживалась в Уральских проходах восточнее Уфы и была от Волги в 660 верстах; Сибирская – в 600 верстах. Наступление началось в конце февраля, и к Волге армии подходили к середине апреля.

⁴⁴ С Уральским войском штаб главнокомандующего находился в постоянных сношениях с начала 1919 г. Начиная со 2 февраля, сначала через Баку, потом через Петровск на Гурьев мы посылали Уральскому войску деньги, орудия, ружья, патроны, броневики, обмундирование, словом – все, что было возможно.

⁴⁵ Мелочь, но и здесь неправда: приказ о переброске Говорущенко отдан 15 июля, то есть за четыре дня до первой встречи наших разъездов с уральскими в районе озера Эльтон, которая произошла 19-го.

⁴⁶ Донесение генерала Врангеля, № 4057.

⁴⁷ Конная дивизия и пластуновская бригада генерала Говорущенко силою в 3 тысячи. Отряд генерала Мамонтова для связи с уральцами был перебросен ранее по взятии нами Царицына, на основании моей директивы от 20 июня.

⁴⁸ Как увидим ниже, сюда советским командованием сосредоточивались тогда силы для главного удара.

⁴⁹ Директива моя от 20 июня за № 08878 гласила: «теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги».

⁵⁰ В связи с общим положением Восточного фронта Уральская армия имела задачу «взять г. Уральск, а затем действовать

], отстояли от нас на 300 с лишним верст, весь эпизод приобретает колорит совершенно своеобразный.

Опасение моего и донского штабов оказались не напрасными: через неделю началось новое наступление крупных сил противника правым берегом Волги, потребовавшее участия там и 1-го Донского корпуса и Говорущенко и заставившее все же Кавказскую армию бросить Камышин и отойти к самому Царицыну...

Но кто станет разбираться в таких стратегических деталях!.. И вопрос о «соединении с войсками Верховного правителя» стал именно тем камнем, который готовился задолго и был брошен открыто в февральском письме...

После признания мною власти адмирала Колчака все командующие армиями и отрядами от себя и от имени войск свидетельствовали о высоком нравственном удовлетворении свершившимся объединением. Кроме одного... Через две недели я получил письмо от барона Врангеля: по его словам, он молчал, считая исполнение приказа прямым своим долгом, как подчиненного. Но, прочитав в газетах обращения других командующих, спешит отозваться, чтобы я не подумал, что он иначе, чем они, относится к свершившемуся...

А впоследствии написал:

«Боевое счастье улыбалось Вам, росла слава, и с ней вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечты... Совпавший с целым рядом наших побед Ваш приказ о подчинении Вас адмиралу Колчаку доказывал, казалось, противное. Будущая история покажет, поскольку этот Ваш шаг был добровольным... Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, „отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине“ и „ставя превыше всего ее счастье...“. Не жизнь приносите Вы в жертву Родине, а только власть, и неужели подчинение другому лицу для блага Родины есть жертва для честного сына ее... Эту жертву не в силах был уже принести возвестивший ее, упоенный новыми успехами честолюбец.

Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты...»^[51]

Верховный правитель был тогда уже мертв и не мог сказать свое слово. По иронии судьбы и с ним при жизни произошел такой же эпизод.

Осенью 1919 года я получил объемистый пакет из Нью-Йорка от Завойко^[52], который, будучи в Омске, вел какую-то интригу против правительства и адмирала Колчака и был выслан за границу. В пакете оказались литографированные экземпляры «обличительного» письма Завойки, адресованного адмиралу Колчаку, и два памфлета. В общем конверте на мое имя заключалось еще несколько писем, в том числе адресованные барону Врангелю, Кривошеину и другим лицам. Я передал всю корреспонденцию комиссии, которая, вскрыв один из этих пакетов и убедившись, что там та же агитационная литература, все остальные сожгла. В одном из памфлетов Завойки, между прочим, говорилось:

«Чрезвычайно характерны все документы, связанные с эпохой продвижения сибирских войск вперед.

Во-первых, составление и проведение в жизнь явно преступного стратегического плана. Удар на Глазов, Вятку, как ближайшее направление на Москву, и оставление без внимания южного направления, единственного обеспечивающего успех и связывающего с силами генерала Деникина».

на Бузулук или Самару». Директива от 16 июня.

⁵¹ Письмо-памфлет (февраль 1920 г.), широко распространявшееся на Юге России и за границей.

⁵² Лицо, приобретшее печальную известность в корниловском выступлении.

Во-вторых, не прикрываемое ничем в официальных документах открытое признание опасности занятия Москвы силами генерала Деникина ранее, чем войсками Сибирской армии, то есть, иначе говоря, стремление во что бы то ни стало к народному пирогу, к спасению России, исключительно во имя свое личное.

В-третьих, все отдельные приказы и распоряжения по армиям, вышедшие из омской ставки и имевшие единственной целью уничтожение популярности отдельных вождей, созданной ими на фронте».

Памфлеты разносили по свету поистине страшное обвинение: как Колчак и Деникин предавали друг друга и Россию...

Глава IV. Наступление ВСЮР летом и осенью 1919 года. Контрнаступление большевиков на Харьков и Царицын. Взятие нами Воронежа, Орла, Киева, Одессы

Стратегия внешней войны имеет свои законы – вечные, неизменные, одинаково присущие эпохам Цезаря, Ганнибала, Наполеона и минувшей мировой войне. Но условия войны гражданской, не опрокидывая самоценность незыблемых законов стратегии, нарушают их относительное значение – иногда в такой степени, что в глазах поверхностного наблюдателя двоятся мысль: не то ложен закон, не то свершается тяжкое его нарушение...

Стратегия не допускает разброски сил и требует соразмерной им величины фронта. Мы же расходились на сотни верст – временами преднамеренно, временами вынужденно. Так, отданная 20 июня основная директива, ограничивавшая наше распространение берегами Днепра и Десны, через месяц была расширена. Генерал Шкуро взял Екатеринослав, что не было предусмотрено; мы были слишком слабы, чтобы надежно оборонять екатеринославский район и могли выполнить эту задачу только наступлением, только удачной атакой и преследованием, которое завлекло наши части на 200 с лишним верст к Знаменке. Можно было или бросить весь занятый район на расправу большевикам или наоборот – попытаться покончить со слабыми правобережными частями 12-й и 14-й армий большевиков и, таким образом захватив все нижнее течение Днепра, надежно обеспечить фланг Добровольческой армии, идущей на Киев и Курск.

И 30 июля в развитие основной директивы было приказано генералу Май-Маевскому удерживать Знаменку, а генералу Шиллингу (3-й армейский корпус) при содействии Черноморского флота «овладеть в кратчайший срок Херсоном и Николаевом и выйти на линию Вознесенск – Раздельная, овладев Одессой».

Мы занимали огромные пространства, потому что, только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно его сил. Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии. В подъеме, вызванном победами, в маневре и в инерции поступательного движения была наша сила. Истощенный многими мобилизациями Северный Кавказ уже не мог питать надлежаще армию, и только новые районы, новый прилив живой силы могли спасти ее организм от увядания.

Мы расширяли фронт на сотни верст и становились от этого не слабее, а крепче. Добровольческая армия^[53] к 5 мая в Донском бассейне числила в своих рядах 9600 бойцов. Невзирая на потери, понесенные в боях и от болезней, к 20 июня (Харьков) боевой состав армии был 26 тысяч, к 20 июля (Екатеринослав – Полтава) – 40 тысяч. Донская армия, сведенная к 5 мая до 15 тысяч, к 20 июня насчитывала 28 тысяч, к 20 июля – 45 тысяч. Для наступления в киевском направлении в конце июля от Добровольческой армии отделилась группа всего в 6 тысяч. В начале июня с Ак-Манайских позиций начал наступление 3-й армейский корпус силою около 4 тысяч, который, пополняясь по пути, прошел весь Крым, вышел на Херсон и Одессу и составил группу войск Новороссийской области под начальством генерала Шиллинга, к 20 сентября увеличившуюся до 16 тысяч.

Состав Вооруженных сил Юга с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 тысяч^[54]. Таков был результат нашего широкого наступления. Только при таком условии

⁵³ Бывшая Кавказская Добровольческая армия.

⁵⁴ Из этого состава около 20 тысяч оставались на Черноморском побережье (против Грузии) и в Терско-Дагестанской

мы имели возможность продолжать борьбу. Иначе мы были бы задушены огромным превосходством сил противника, обладавшего неисчерпаемыми человеческими ресурсами. Наконец, движение к Киеву приводило нас к соединению с противобольшевистской польской армией, что значительно сокращало фронт и должно было освободить большую часть войск Киевской области и Новороссии для переброски их на гомельское и брянское направления.

Теория говорит о закреплении рубежей, практика гражданской войны с ее огромными расстояниями и фронтами, с ее исключительным преобладанием психологии не только в армиях, но и в населении пораженных войной областей свидетельствует о непреодолимой трудности и зачастую полной негодности метода позиционной войны. Разлив Донца задержал наступление 8-й и 9-й советских армий в феврале, Царицынская укрепленная позиция остановила движение генерала Мамонтова и первый налет генерала Врангеля. Но, снабженный некоторой техникой, генерал Врангель в два дня покончил с «Красным Верденом». Добровольческая армия без труда справилась с «крепостными зонами» Харькова и Екатеринослава. Шкуро и Бредов форсировали широкий Днепр. Разбухшая Кубань не остановила русских армий, отступавших к Черному морю, а идеальный, исключительный по конфигурации и природным свойствам, «непреступный» оборонительный рубеж крымских перешейков оказался паутиной в трагические дни осени 1920 года...

Освобождение нами огромных областей должно было вызвать народный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, не только усиление рядов, но и моральное укрепление белых армий. Вопрос заключался лишь в том, изжит ли в достаточной степени народными массами большевизм и сильна ли воля к его преодолению? Пойдет ли народ с нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегающими волнами, между двумя смертельно враждебными станами.

В силу целого ряда сложных причин, стихийных и от нас зависевших, жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом отрицательный.

Советское командование после весенних поражений напрягало чрезвычайные усилия, чтобы восстановить свой Южный фронт. Реорганизовались бывшие Украинские армии на началах регулярства; смещен был целый ряд неудачных начальников; главнокомандующего вооруженными силами советской России Вацетиса сменил полковник Каменев, бывший командующий Восточным фронтом; Гиттиса сменил генерал Егорьев; революционные трибуналы, заградительные и карательные отряды применяли жестокий террор для внедрения в войска дисциплины; тысячи новых агитаторов наводнили фронт; новые мобилизации 18 – 45-летних возрастов усилили приток пополнений. Наконец, на Южный фронт было переброшено 6½ дивизий с Восточного и 3 дивизии с Западного фронтов. Этими мерами в середине июля советскому командованию удалось довести состав своих южных армий до 180 тысяч при 700 орудиях^[55]. И 16 июля Бронштейн писал в приказе: «Вся страна заботится теперь об Южном фронте. Нужно, чтобы командиры, комиссары, а вслед за ними красноармейцы поняли, что уже сейчас на Южном фронте мы сильнее Деникина. Военские эшелоны и маршрутные поезда снабжения непрерывным потоком идут на юг. Теперь все это... нужно вдохновить идеей решительного наступления...»

План этого наступления, по словам Бронштейна, заключался в том, «чтобы нанести контрудар противнику в двух важнейших направлениях: 1) с фронта Балашов – Камышин на нижний Дон и 2) с Курско-Воронежского участка на Харьков. Первое направление было признано решающим». На этих направлениях были сосредоточены ударные группы: на первом – Шорина из 10-й и 9-й армий, силою в 50 тысяч, на втором – генерала Селивачева – из 8-й, 13-

области (против горцев, Азербайджана и Астрахани).

⁵⁵ По советским данным, на линии Сосница – Киев – Одесса расположена была 12-я армия красных силою в 23 тысячи, входившая в состав Западного фронта).

й и левобережной части 14-й армии, силою до 40 тысяч. Общее наступление было назначено на 1–3 августа.

1 августа 10-я армия Клюева⁵⁶] с многочисленной конницей Буденного на западном крыле, поддержанная Волжской флотилией в составе до 20 вооруженных судов, обрушилась на Кавказскую армию. Ведя непрерывные тяжкие бои, под напором сильнейшего противника в течение трех недель армия вынуждена была отходить на юг, отдав Камышин, и к 23-му дошла до самого Царицына. В этот день началось решительное сражение, в котором, атакуя с севера и с нижней Волги от Черного Яра, противник прорвал уже было укрепленную позицию и доходил до оружейного завода. Но введением в бой последних резервов и атаками кубанской конницы генерал Врангель нанес противнику жестокий удар, отбросив его в обоих направлениях. Атаки Клюева, повторенные в последующие дни, становились все слабее и постепенно замерли.

Эти тяжелые и славные бои – одна из лучших страниц боевой деятельности Кавказской армии, ее командующего, генералов Улагая, Топоркова, Писарева, трижды раненного генерала Бабиева, получившего четырнадцатую рану генерала Павличенко и многих других.

Одновременно перейдя в наступление от Балашова против правого крыла Донской армии, противник оттеснил донцов за линию Хопра и Дона. Большевики переправились уже во многих местах на западный берег, но контрударом своим, в особенности удачным в группе Коновалова, донцы отбрасывают их за Хопер, наносят большой урон и вновь выходят на левый берег реки. Однако в связи с неудачами на лискинском направлении правая группа Донской армии под угрозой обхода обоих флангов в середине сентября вынуждена отступить за Дон на всем течении его от Павловска до устья Хопра. Оттеснив донцов, камышинская группа Клюева, усиленная еще за счет Восточного фронта, в конце сентября вновь атаковала Царицын и после 9-дневного боя контратакой войск генерала Врангеля была опрокинута и в беспорядке отошла верст на 70 на север. В свою очередь донцы перешли в наступление и в первой половине октября отбросили балашовскую группу большевиков за Хопер, выйдя вновь к железнодорожной линии Поворино – Царицын.

В начале октября после двухмесячного сражения правое крыло Вооруженных сил Юга удержало Царицын и линию Хопра; ударная группа Шорина, ослабленная огромными потерями, перешла к пассивному образу действий и, соответственно новому плану советского командования, начала передвижение части сил к западу.

Ударная большевистская группа генерала Селивачева 3 августа должна была нанести удар по Харькову комбинированным наступлением частей 14-й и 13-й армий с северозапада на Готню и главными силами (частями 13-й и 8-й армий) – с северо-востока на Купянск. Но за эти три дня до начала операции большевиков генерал Кутепов перешел в наступление 1-м армейским корпусом в северо-западном направлении, разрезал 13-ю и 14-ю армии, разбил их и отбросил первую к Курску, вторую – за Ворожбу. Оставив в этих направлениях заслоны, корпус сосредоточился частью сил к Белгороду. Между тем воронежская группа большевиков, смяв левый фланг донцов, ударила в стык между Добровольческой и Донской армиями и, наступая затем почти без сопротивления, заняла Волчанск, Купянск и Валуйки, углубившись к 14 августа в тыл нашего расположения на 100 верст и подойдя передовыми частями своими верст на 40 к Харькову. Создавалась весьма серьезная угроза тылу армии.

Генерал Май-Маевский, перегруппировав войска, ответил ударом добровольцев со стороны Белгорода и корпусом Шкуро с юго-запада. В течение второй половины августа под нашими ударами, оставляя пленных и орудия, воронежская группа Селивачева уходила на северо-восток. Окончательное ее окружение не состоялось только благодаря пассивности левого крыла (3-го корпуса) Донской армии. К концу августа Добровольческая армия, вернув прежнюю линию, наступала неудержимо к Воронежу, Курску, к Десне... Донской армии ука-

⁵⁶ Полковник Егоров был назначен командующим 14-й армией.

зано было, перейдя к обороне на всем своем фронте, обратить исключительное внимание на левый фланг, повернуть к Воронежу и бывший в набеге конный корпус генерала Мамонтова, чтобы совместными действиями с Добровольческой армией разбить расстроенную уже 8-ю советскую армию и овладеть Лисками и Воронежем. Это сосредоточение вне Донской области, необходимое стратегически и вызывавшее ослабление чисто донского фронта, с перспективой оставления части территории на поток и разграбление большевикам, вызывало всегда большие психологические трудности. Левый фланг донцов был слаб, доставляя не раз затруднения правому флангу Добровольческой армии.

В конце июля генерал Сидорин собрал между Таловой и Новохоперском конную группу около 7–8 тысяч сабель генерала Мамонтова, которой дана была задача, прорвав фронт противника, «овладеть железнодорожным узлом Козловом для расстройств управления и тыла Южного большевистского фронта». Позднее, ввиду пассивности левого крыла армии, направление было изменено на Воронеж, чтобы выходом на северо-запад, в тыл лискинской группе противника, содействовать ее поражению.

Мамонтов под предлогом дождей, вызвавших распутицу, приказания не исполнил и, пройдя с боем через фронт, пошел на север, совершая набег в глубокий тыл противника – набег, доставивший ему громкую славу, звание народного героя и... служебный иммунитет.

5 августа он взял Тамбов, затем, последовательно занимая Козлов, Лебедин, Елец, Грязи, Касторную, 29-го очутился в Воронеже. По всему пути генерал Мамонтов уничтожал склады и громадные запасы противника, разрушал железнодорожные мосты, распустил несколько десятков тысяч мобилизованных, вывел целую бригаду крестьян-добровольцев, нарушил связь, снабжение и вызвал среди большевиков сильнейшую панику.

Но, обремененный огромным количеством благоприобретенного имущества⁵⁷, корпус не мог уже развить энергичную боевую деятельность. Вместо движения на Лиски и потом по тылам 8-й и 9-й советских армий, куда требовали его боевая обстановка и директива, Мамонтов пошел на запад, переправился через Дон и, следуя по линии наименьшего сопротивления, правым берегом его вышел 6 сентября к Короткову на соединение с корпусом генерала Шкуро, наступавшим с юга на Воронеж. Открылись свободные пути, и потянулись в донские станицы многоверстные обозы, а с ними вместе и тысячи бойцов. Из 7 тысяч сабель в корпусе осталось едва 2 тысячи. После ряда неудавшихся попыток ослабленный корпус только 23-го после взятия генералом Шкуро Воронежа двинулся в ближний тыл Лисок и тем содействовал левому крылу донцов в овладении этим важным железнодорожным узлом.

Это было единственное следствие набега, отразившееся непосредственно на положении фронта.

Генерал Мамонтов поехал на отдых в Новочеркасск и Ростов, где встречен был восторженными овазиями. Ряды корпуса поредели окончательно.

Будем справедливы: Мамонтов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами. Сам Бронштейн, находившийся тогда в районе набега и с необычайной поспешностью отбывший в Москву, писал по дороге: «Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение пределов Тамбовской губернии...» Взывал тоном растопчинских афиш: «На облаву, рабочие, крестьяне... Ату белых! Смерть живорезам!..» И в конце концов смилоствивился над «казаками, обманутыми Мамонтовым», приглашая их сдать: «Вы в стальном кольце. Вас ждет бесславная гибель. Но в последнюю минуту рабоче-крестьянское правительство готово протянуть вам руку примирения...»

Но Мамонтов мог сделать несравненно больше: использовав исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и сохранив от развала свой

⁵⁷ Апологеты генерала Мамонтова исчисляли обоз корпуса протяжением 60 верст.

корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что, несомненно, вызвало бы новый крупный перелом в ходе операции.

Наступление Добровольческой армии между тем шло с огромным порывом. Оно прикрывалось надежно с запада движением группы генерала Юзефовича на Киев и 3-го (отдельного) корпуса генерала Шиллинга на Одессу. Наступление это не было приостановлено и в те трудные дни начала августа, когда создалась большая и непосредственная угроза Харькову.

5-й кавалерийский корпус захватил Конотоп и Бахмут, прервав прямую связь Киева с Москвой, в то время как 2-й армейский корпус, двигаясь обоими берегами Днепра и опрокидывая 14-ю армию противника, шел к Киеву и Белой Церкви. И 17 августа войска генерала Бредова форсировали Днепр и вошли в Киев одновременно... с галичанами Петлюры, наступавшими с юга.

Так же успешно продвигались войска генерала Шиллинга. Овладев в начале августа при деятельной помощи возрождавшегося Черноморского флота Херсоном и Николаевом, корпус продолжал движение на Вознесенск и Раздельную. 12-я советская армия, стоявшая на фронте Киев – Одесса – Херсон, была отвлечена к востоку, в Одессе царила паника. В ночь на 10-е наша эскадра капитана 1-го ранга Остелецкого совместно с судами английского флота появилась внезапно у Сухого Лимана и высадила десант^[58], который, соединившись с восставшими одесскими офицерскими организациями, при могучей поддержке судовой артиллерии захватил город, прервав эвакуацию его^[59].

В дальнейшем войска Киевской области и Новороссии наступлением с севера, востока и юга постепенно занимали территорию между Днестром и Черным морем. Остатки правобережной группы 14-й советской армии ушли за Днепр, части 12-й армии пробились к Фастову.

В то время, когда происходили эти события, главное ядро Добровольческой армии генерала Май-Маевского, нанося тяжелые удары советским армиям, двигалось на Москву. 7 сентября 1-й армейский корпус генерала Кутепова, разбив наголову двенадцать советских полков, взял Курск... 17-го генерал Шкуро, переправившись неожиданно через Дон, захватил Воронеж... 30-го войска 1-го корпуса овладели Орлом и продолжали движение к Туле... В начале октября 5-й кавалерийский корпус генерала Юзефовича взял Новгород-Северск...

На всем фронте войска Добровольческой армии захватывали десятки тысяч пленных и огромные трофеи.

Удар, нанесенный советским командованием правой группой Южного фронта, завершился ее поражением.

Чрезвычайно интересным является освещение, данное этому периоду кампании Бронштейном, приоткрывающее завесу над советской стратегией. Ниже я привожу документ из «секретного архива», относящийся к сентябрю 1919 года и опубликованный в 1924 году^[60]. Бронштейн писал:

«Априорно выработанный план операций на Южном фронте оказался безусловно ложным. Неудачи на Южном фронте объясняются в первую голову ложностью основного плана.

1. В основе плана лежало отождествление деникинской белогвардейской опасности с донским и кубанским казачеством. Это отождествление имело больший или меньший смысл, пока центром Деникина был Екатеринодар, а пределом его успехов – восточная граница Донецкого бассейна. Чем

⁵⁸ 340 человек формировавшегося еще Сводно-драгунского полка.

⁵⁹ Интересно донесение «Азбуки» из советской Одессы: «22 июля в Одессе получены от советского агента, работающего в штабе генерала Деникина, сведения о том, что 11 июля в Новороссийске будет посажен десант из 30 транспортов. Десант сопровождают английский дредноут и несколько крейсеров и миноносцев...».

⁶⁰ Троцкий Л. «Как вооружалась революция».

далее, тем больше отождествление становилось неверным. Задачи Деникина наступательные, задачи донского и кубанского казачеств – оборонительные в пределах их областей. С продвижением Деникина в донецкий район и на Украину элементарные соображения подсказывали необходимость отрезать его выдвинувшиеся на запад силы от их первоначальной базы – казачества. Удар на Харьков – Таганрог или Харьков – Бердянск представлял собою наиболее короткое направление по территории, населенной не казачеством, а рабочими и крестьянами, и обещал наибольший успех с наименьшей затратой сил.

2. Казачество в значительной своей части оставалось бы враждебным нам, и ликвидация специально казаческой контрреволюции на Дону и Кубани оставалась бы самостоятельной задачей. При всей своей трудности – это местная задача, и мы могли бы и имели бы полную возможность разрешить ее во вторую очередь.

Дон, как база, истощен. Большое число казаков погибло в непрерывных боях, что касается Кубани, то она в оппозиции к Деникину. Нашим прямым наступлением на Кубань мы сближаем кубанцев с деникинцами. Удар на Харьков – Таганрог, который отрезал бы деникинские украинские войска от Кубани, дал бы временную опору кубанским самостийникам, создал бы временное замирение Кубани в ожидании развязки нашей борьбы с деникинцами на Донце и на Украине.

3. Прямое наступление по линии наибольшего сопротивления оказалось, как и было предсказано, целиком на руку Деникину. Казачество Вешенской, Мигулинской, Казанской станиц поголовно мобилизовалось, поклялось не сдаваться. Таким образом, самым направлением нашего движения мы доставили Деникину значительное количество бойцов.

4. Для проверки оперативного плана нелишне посмотреть на его результаты. Южный фронт получил такие силы, какие никогда не имел ни один из фронтов: к моменту наступления на Южном фронте имелось не менее 180 тысяч штыков и сабель, соответственное количество орудий и пулеметов. В результате полуторамесячных боев мы имеем жалкое топтание на месте в восточной половине Южного фронта и тяжкое отступление, гибель частей, расстройство организации в западной половине. Другими словами, наше положение на Южном фронте сейчас хуже, чем было в тот момент, когда командование приступало к выполнению своего априорного плана. Было бы ребячеством закрывать на это глаза.

5. Попытки свалить ответственность на состояние армий Южного фронта, организацию аппарата и прочее являются в корне несостоятельными. Армии Южного ни в каком отношении не хуже армий Восточного фронта. 8-я армия вполне равняется 5-й. Более слабая 13-я армия, во всяком случае, не ниже 4-й. 9-я армия стоит примерно на том же уровне, что и 3-я. В значительной мере эти армии строились одними и теми же работниками, и для всякого, кто наблюдал эти армии в периоды их удач, как и неудач, чрезвычайной фальшью звучат речи о каких-то организационных и боевых различиях Южного и Восточного фронтов.

6. Верно лишь то, что Деникин несравненно более серьезный враг, чем Колчак. Дивизии, перебрасывавшиеся с Восточного фронта на Южный, отнюдь не оказывались выше дивизий Южного фронта. Это относится целиком к командному составу. Наоборот, в первый период дивизии Восточного фронта

оказываются по общему правилу слабее, пока не приобретают сноровки в новых условиях против нового врага.

7. Но если враг на юге сильнее, то и мы были несравненно сильнее, чем были когда-либо на каком-либо из фронтов. Поэтому причины неудачи необходимо искать целиком в оперативном плане. Мы пошли по линии наибольшего сопротивления, то есть части средней устойчивости направили по местности, населенной сплошь казачеством, которое не наступает, а обороняет свои станицы и очаги. Атмосфера «народной донской» войны оказывает расслабляющее влияние на наши части. В этих условиях деникинские танки, умелое маневрирование и прочее оказываются в его руках колоссальным преимуществом.

8. В той области, где меньшие силы с нашей стороны могли дать несравненно большие результаты – на Донце и на Украине, мы предоставили Деникину полную свободу действий и, таким образом, дали ему возможность приобрести колоссальный резервуар новых формирований.

9. Все разговоры о том, что Деникин на Украине ничего не формирует, являются пустяками. Если на Украине мало политически воспитанных пролетариев, что затрудняло наши формирования, то на Украине очень много офицеров, помещичьих, буржуазных сынков и озверелого кулачья. Таким образом, в то время, как мы напирали грудью на Дон, увеличивая казачий барьер перед собой, Деникин почти без помех занимается на всей территории новыми, особенно кавалерийскими, формированиями.

10. Ошибочность плана сейчас настолько очевидна, что возникает вопрос: как вообще этот план мог возникнуть?

Возникновение его имеет историческое объяснение. Когда Колчак угрожал Волге, главная опасность состояла в соединении Деникина с Колчаком. В письме к Колчаку Деникин назначал свидание в Саратове. Отсюда задача, выдвинутая его старым командованием, создать на царицынско-саратовском плесе крепкий кулак^[61].

Восточный фронт считал невозможным в этот период передавать свои части. Тогдашнее командование обвиняло Восточный фронт в задержке. Последнее напирало на то, что проволочка не будет слишком долгой и опасной, ибо части будут поданы непосредственно на левый приволжский фланг Южного фронта.

Отголоски этих старых планов плюс второстепенные соображения об экономии времени на переброску частей с Восточного фронта привели к созданию особой группы Шорина. Все остальные соображения (о решающем ударе по донской, кубанской базе и прочим) были притянуты за волосы уже постфактум, когда несообразность априорного плана стала обнаруживаться все резче.

11. Теперь, чтобы скрасить действительные результаты, выдвинута новая гипотеза: если бы главные силы не были сосредоточены на царицынско-новочеркасском направлении, то Деникин был бы в Саратове, и Сызранский мост был бы взорван. Все эти воображаемые страхи должны служить нам компенсацией за реальную опасность, угрожающую Орлу и Туле, после потери нами Курска. При этом игнорируется, что донскому казачеству было бы так же трудно наступать на Саратов, как нам сейчас на Новочеркасск».

⁶¹ Напомним, что, когда принят был этот план, сибирские армии отошли уже за линию Уральского хребта.

В начале октября Вооруженные силы Юга России занимали фронт параллельно нижнему плесу Волги до Царицына и далее по линии (примерно) Воронеж – Орел – Чернигов – Киев – Одесса. Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район, заключавший 16–18 губерний и областей, пространством в 810 тысяч кв. верст с населением в 42 миллиона.

Положение советской России в глазах Совета народных комиссаров представлялось критическим. Советские правители, не исключая Ленина, не только в своем замкнутом кругу, но и в открытых, многолюдных собраниях не могли скрыть чисто животного страха перед приближением южных армий. . . «Экономическая жизнь», орган Высшего совета народного хозяйства, осенью 1919 года писала:

«Как это ни тяжело, но в настоящее время необходимо отказаться от дальнейшего продвижения в Сибири, а все силы и средства мобилизовать для того, чтобы защитить само существование советской республики от деникинской армии. . .»

Глава V. Большевистское наследие в освобожденных районах. Повстанчество и махновщина

Армии Юга, двигаясь вперед, шаг за шагом освобождали огромные территории России, встречая повсюду более или менее однообразные следы разрушения.

Первою на московском пути была освобождена Харьковская область. «Особая комиссия», обследовав всесторонне тяжесть и последствия шестимесячного большевистского владычества в ней, нарисовала нам картину поистине тяжелого наследия.

Жестокое гонение на церковь, глумление над служителями ее; разрушение многих храмов, с кощунственным поруганием святынь, с обращением дома молитвы в увеселительное заведение... Покровский монастырь был обращен в больницу для сифилитиков-красноармейцев. Такие сцены, как в Спасовом скиту, были обычными развлечениями чиновной красноармейщины:

«Забравшись в храм под предводительством Дыбенки, красноармейцы вместе с приехавшими с ними любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали скверно-матерно Иисуса Христа и Матерь Божию, похитили антиминс, занавес от Царских врат, разорвав его на части, церковные одежды, подризники, платки для утирания губ причащающихся, опрокинули Престол, пронзили штыком икону Спасителя. После ухода бесчинствовавшего отряда в одном из притворов храма были обнаружены экскременты»^[62].

В Лубнах перед своим уходом большевики расстреляли поголовно во главе с настоятелем монахов Спасо-Мгарского монастыря... В одной Харьковской губернии было замучено 70 священнослужителей...

Вся жизнь церковная взята была под сугубый надзор безверной или иноверной власти: «Крестить, венчать и погребать без предварительного разрешения товарищей Когана и Рутгайзера, заведующих соответственными отделами Харьковского исполкома, было нельзя...» Интересно, что религиозные преследования относились только к православным: ни инославные храмы, ни еврейские синагоги в то время нисколько не пострадали...

Большевики испакостили школу: ввели в состав администрации коллегия преподавателей, учеников и служителей, возглавленную невежественными и самовластными мальчишками-комиссарами; наполнили ее атмосферой сыска, доноса, провокации; разделили науки на «буржуазные» и «пролетарские»; упразднили первые и, не успев завести вторых, 11 июня декретом «Сквуза»^[63] закрыли все высшие учебные заведения Харькова...

Большевистская власть упразднила законы и суд. Одни судебные деятели были казнены, другие уведены в качестве заложников (67 лиц). Достоинно внимания, что из числа уцелевших чинов харьковской магистратуры и прокуратуры ни один, невзирая на угрозы и преследования, не поступил в советские судебные учреждения... На место старых установлений заведены были «трибуналы» и «народные суды», подчиненные всецело губернскому исполнительному комитету. Глубоко невежественные судьи этих учреждений не были связаны «никакими ограничениями в отношении способов открытия истины и меры наказания, руководствуясь... интересами социалистической революции и социалистическим правосознанием...»^[64]. Практика этих судов, как свидетельствовали оставленные ими дела, были полным издевательством над правом и человеческой совестью или пошлым анекдотом.

⁶² «Особая комиссия». Харьков. С. 15.

⁶³ «Советская комиссия высших учебных заведений» под председательством Майера.

⁶⁴ Из временного положения от 14 февраля 1919 г., изданного Совнаркомом Украины.

Большевики упразднили городское самоуправление и передали дело в руки «Отгорхоза»^[65]. Благодаря неопытности, хищничеству, невероятному развитию штатов^[66], тунеядству и введению 6-часового рабочего дня, городское хозяйство было разрушено и разграблено, а дефицит в Харькове доведен до 13 миллионов.

Земское дело перешло к исполкомам и совнархозам – комиссиям, составленным преимущественно из городских рабочих-коммунистов. В результате: «Земские больницы, школы были исковерканы, почтовые станции уничтожены, заводские конюшни опустошены, земские племенные рассадники скотоводства расхищены, склады и прокатные пункты земледельческих орудий разграблены, телефонная сеть разрушена... мертвый инвентарь имений роздан был „комбедами“ по рукам, запасные части растеряны и многие машины оказались непригодными... Если лошади и скот не расхищались, то они гибли из-за реквизиции фуража, а реквизировался он членами продовольственных комитетов и совнархозов, военной властью и чрезвычайкой... Хозяйничанием большевиков уничтожены почти окончательно четыре государственных конных завода»^[67].

Комиссия пришла к заключению:

«Пять месяцев власти большевиков и земскому делу, и сельскому хозяйству Харьковской губернии обошлись в сотни миллионов рублей и отодвинули культуру на десятки лет назад».

Все стороны финансово-экономической жизни были потрясены до основания. В этой области политика большевиков на Украине, усвоив многие черты немецкой (во время оккупации), проявила явную тенденцию наводнить край бесценными бумажными знаками, выкачав из него все ценности – товары, продукты, сырье. По поводу разрушения торгового аппарата орган 1-го всеукраинского съезда профессиональных союзов, собравшегося 25 марта в Харькове, говорил: «Нищий и разрушающийся город пытается в процессе потребления накопленных благ „перераспределять“ их и тешится, стараясь облечь это хищническое потребление в форму национализации и социализации. Производство... разваливается. Крестьянство за „керенки“ ничего не дает, и, в стремлении наладить товарообмен с деревней и выжать из производства побольше изделий, предприниматель-государство стало на путь утонченной эксплуатации рабочей силы»^[68].

Такой же хищнический характер носила и продовольственная политика. Декретом от 10 декабря 1918 года было разрешено всем организациям и жителям северных губерний закупать на Украине продукты «по среднерыночным ценам». На деревню обрушился поток мешочников, 17 заготовительных организаций Великороссии, кроме того Губпродком и три «Че-ка». Конкуренция, злоупотребления, насилия, отсутствие какого-либо плана привели к невероятному вздорожанию цен^[69], исчезновению продуктов с рынка и голоду в этой российской житнице. Харьковская губерния вместо предположенного по разверстке количества хлеба 6850 тысяч дала всего 129 тысяч пудов. Подобные же результаты получились по всей Украине.

Советская власть приняла меры чрезвычайные: на деревню за хлебом двинуты были воинские продовольственные отряды (в Харьковскую губернию – 49) и начали добывать его с боем; одновременно, декретом от 24 апреля, в южные губернии приказано было переселить наиболее нуждающееся рабоче-крестьянское население севера. Наконец, ввиду полной

⁶⁵ «Отдел городского хозяйства при совете рабочих и солдатских депутатов». Состав его в Харькове: 1) трамвайный вагоновожатый, 2) московский рабочий, 3) харьковский рабочий и 4) бухгалтерский писарь.

⁶⁶ В больницах, например, наблюдалось нередко превышение числа служащих над числом больных.

⁶⁷ Лимаревский, Ново-Александровский, Стрелецкий и Беркульский.

⁶⁸ «Голос», статья Бару.

⁶⁹ Колебание цены полного пайка в Харькове: в декабре к приходу большевиков – 7 руб. 75 коп.; в июне – 109 руб. 25 коп.; после прихода добровольцев понижается и к августу составляет 33 руб. 50 коп.

неудачи всех мероприятий и назревшей катастрофы, совет комиссаров объявил продовольственную диктатуру незадолго до прихода в район добровольцев. В результате – в деревне перманентные бои, требовавшие иногда подкреплений карательных отрядов от войск, и в городе голод. Буржуазия была предоставлена самой себе, а наиболее привилегированная часть населения – пролетариат Донецкого бассейна – горько жаловался Наркомпроду: «Большинство рабочих рудников и заводов голодает и лишь в некоторых местах пользуется полуфунтовым хлебным пайком... Надвигающаяся черная туча не только захлестнет рабочую корпорацию, но и угасит революционный дух рабочих».

Такое положение установилось повсеместно. Коммунистические верхи гальванизировали еще политические идеи борьбы, но в их призывах все чаще и настойчивее звучали мотивы иного порядка – экономические, более понятные, более соответствовавшие массовой психологии: голодный север шел войной на сытый юг, и юг отстаивал цепко, с огромным напряжением, свое благополучие.

Заводы и фабрики обратились вообще в кладбища – без кредита, без сырья и с огромной задолженностью; вдобавок перед приходом добровольцев они были частью эвакуированы, частью разграблены. Большинство заводов стояло, а рабочие их получали солидную заработную плату от совнархоза, за которую, однако... нельзя было достать хлеба. Добыча угля Донецкого бассейна, составлявшая в 1916 году 148 миллионов пудов (в месяц), после первого захвата большевиками (январь – май 1919) понизилась до 27 миллионов и, поднявшись, вновь за время немецкой оккупации Украины до 48 миллионов, нисходила к концу второго захвата (декабрь 1918 – июнь 1919) до 16–17 миллионов пудов⁷⁰. Южные и Северо-Донецкие дороги, по сравнению с 1916 годом, за пять месяцев большевистского управления дали на 91,33 процента уменьшения количества перевозок, на 108,4 процента увеличения расхода угля и общий дефицит 110 миллионов рублей.

Повсюду – нищета и разорение.

Наконец, эти могилы мертвых и живых – каторжная тюрьма, чрезвычайка и концентрационный лагерь, где в невыносимых мучениях гибли тысячи жертв, где люди-звери – Саенко, Бондаренко, Иванович и многие другие – били, пытали, убивали и так называемых «врагов народа», и самый неподдельный, безвинный «народ»!

«Сегодня расстрелял восемьдесят пять человек. Как жить приятно и легко!..» Такими внутренними эмоциями своими делился с очередной партией обреченных жертв знаменитый садист Саенко. По ремеслу столяр, потом последовательно городской, военный дезертир, милиционер и, наконец, почетный палач советского застенка.

Ему вторил другой палач – беглый каторжник Иванович: «Бывало, раньше совесть во мне заговорит, да теперь прошло – научил товарищ стакан крови человеческой выпить: выпил – сердце каменным стало».

В руки подобных людей была отдана судьба населения большого культурного университетского города.

Я остановился на положении при большевиках харьковского района, важнейшего театра наших военных действий, на котором развертывались операции Добровольческой армии; но, за малыми различиями в ту или другую сторону, в таком же положении находились Киевщина и Новороссия. Менее других пострадал Крым, где вторичный захват власти большевиками длился всего лишь два месяца (апрель – май), и страшнее всего, убийственнее всего было состояние царичинского района, где большевистский переворот совершился задолго до «октября» – еще в конце марта 1917 года, где коммунистическая власть правила без перерыва в течение двух с лишним лет, а самый город, представляя ближайший тыл постоянно угрожаемого фронта, навлекал на себя чрезвычайные репрессии. «В конце концов, – говорится в

⁷⁰ После занятия района добровольцами добыча к октябрю давала 42 миллиона.

описании „Особой комиссии“, – все население, кроме власть имущих и их присных, обратилось в какие-то ходячие трупы. Не только на лицах жителей не было улыбки, но и во всем существе их отражались забитость, запуганность и полная растерянность. Два с лишним года владычествовали большевики в Царицыне и уничтожили в нем все – семью, промышленность, торговлю, культуру, самую жизнь. Когда 17 июня 1919 года город, наконец, был освобожден от этого ига, он казался совершенно мертвым и пустынным, и только через несколько дней начал, как муравейник, оживать».

На четвертый день после занятия Царицына я посетил город, в котором не только от людей, но, казалось, от стен домов, от камней мостовой, от глади реки веяло еще жутким мертвым дыханием пронесшегося смерча...

Система большевистского управления отчасти оживила повстанческое движение на Юге, уходившее истоками своими к временам гетманщины и австро-немецкой оккупации, отчасти создавала новые очаги восстаний, захватывавших огромные районы по преимуществу правобережной Украины, Новороссии, Екатеринославщины и Таврии. В одной только полосе – между Днепром и Горынью, западнее Киева, – насчитывалось 22 «атамана» во главе сильных повстанческих банд. Они то работали самостоятельно, то объединялись в крупные отряды под начальством более популярных «атаманов» и «батек». Особенной известностью пользовались Зеленый, действовавший в западной части Полтавской губернии и в окрестностях Киева, Григорьев – в низовьях Днепра и Махно – в Таврии и Екатеринославской губернии.

Чрезвычайно сложна массовая психология, питавшая повстанческое движение, разнообразны его внешние формы и искусственно навязываемые ему политические лозунги. Я остановлюсь на тех элементах движения, которые представляются мне неоспоримыми.

Прежде всего в основании его лежали, несомненно, историческая быль и легенда, оживленные революцией и определившие территориальное распространение повстанчества. Сообразно с этим прошлым и территорией характер его, сохраняя общий колорит, различен в деталях. Так, на севере Украины более спокойное и хозяйственное крестьянство вносило в повстанчество более организованные формы и положительные цели – самообороны и правопорядка; на юге свирепствовали без плана и определенной цели гайдамачина и «вольное казачество» – буйное, бесшабашное и распутное. На востоке располагалась вотчина батьки Махно – в районе, где начавшийся в XVIII веке прилив великороссов-переселенцев из наиболее беспокойного элемента создал богатейшие поселения, по внешности только малорусские. Атавизм, типичные черты русского безыдейного анархизма, соседство и близкое общение с крупными промышленными центрами, простор полей, сытость и вместе с тем тяга к ненавидимому городу и к его привлекательным соблазнам наложила здесь особый колорит на повстанческое движение. Ограбление городов, например, было одним из серьезнейших двигателей махновского воинства^[71].

Толчком к повстанческому движению послужил, несомненно, аграрный вопрос. Деревня поднялась «за землю» против «пана», против немца, как защищающего «пана» и отбирающего хлеб. Объектами жестокой расправы повстанцев были поэтому помещики, «державная варта» и австро-германцы, когда с последними можно было справиться. Но с уходом оккупационных войск и по мере ликвидации помещичьего землепользования и удовлетворения земельной жажды этот стимул теряет свою остроту на западе и мало выдвигается в махновском районе.

Антиеврейское настроение в повстанчестве было всеобщим, стихийным, имело корни в прошлом и подогревалось видным участием евреев в составе советской власти. Большинство «атаманов», отвечая этому настроению, призывали открыто к еврейским погромам; Григорьев звал на борьбу «с политическими спекулянтами... из московской обжорки и той земли,

⁷¹ В 1905 г. в этом районе было серьезное восстание. Крестьянский вооруженный отряд во главе с Дейнегой вел даже бой с войсками.

где распяли Христа»; Махно, как говорит его апологет Аршинов^[72], наоборот, преследовал погромщиков и даже в 1919 году, очевидно, под влиянием наехавших членов анархической группы «Набат», в числе которых было немало евреев, подписал воззвание против национальной травли и в защиту «бедных мучеников-евреев», противопоставляя их «еврейским банкирам». В искренности самого Махно, в качестве защитника евреев, позволительно усомниться; что же касается махновцев, то и настроение, и практика их ничем не отличались от чувств и дел правобережной гайдамачины.

И волна еврейских погромов заливала всю Украину.

Таким же всеобщим, стихийным настроением была ненависть к большевикам. После краткого выжидательного периода, даже после содействия, которое оказывали немногие, впрочем, повстанческие отряды в начале 1919 года вторжению на Украину большевиков, украинское крестьянство стало в ярко враждебное отношение к советской власти. К власти, приносившей им бесправие и экономическое порабощение; к строю, глубоко нарушавшему их собственнические инстинкты, теперь еще более углубленные; к пришельцам, подошедшим к концу дележа «материальных завоеваний революции» и потребовавшим себе крупную долю... Расправы с большевистскими властями носили характер необыкновенно жестокий.

Шесть режимов, сменившихся до того на Украине, и явная слабость всех их вызвали вообще в народе обострение тех пассивно-анархических тенденций, которые были в нем заложены извечно. Вызвали неуважение к власти вообще, независимо от ее содержания. Безвластие и безнаказанность таили в себе чрезвычайно соблазнительные и выгодные перспективы по крайней мере на ближайшее время, а власть, притом всякая, ставила известные стеснения и требовала неукоснительно хлеба и рекрут. Борьба против власти, как таковой, становится со временем главным стимулом махновского движения, заслоняя собой все прочие побуждения социально-экономического характера.

Наконец, весьма важным стимулом повстанческого движения был грабеж. Повстанцы грабили города и села, буржуев и трудовой народ, друг друга и соседей. И в то время, когда вооруженные банды громили Овруч, Фастов, Проскуров и другие места, можно было видеть сотни подвод, запружавших улицы злополучного города с мирными крестьянами, женщинами и детьми, собирающими добычу, Между «атаманами» не раз безмолвно или полюбовно устанавливались зоны их действий и не только для операций против большевиков, но и для сбора добычи... 14 июля 1919 года Махно, заманив Григорьева на повстанческий съезд, собственноручно убил его. Официальная версия партийных анархистов называет это убийство казнью «врага народа», устроившего еврейский погром в Елисаветграде и для борьбы с большевиками не пренебрегавшего никакими союзниками, даже якобы Добровольческой армией... Гораздо правильное, однако, другая версия – о двух пауках в одной банке, о борьбе двух «атаманов» за власть и влияние на тесном пространстве нижнего Днестра^[73], куда загнали их судьба и наступление Вооруженных сил Юга.

Как бы то ни было, всеобщий популярный лозунг повстанцев, пронесшийся от Припяти до Азовского моря, звучал грозно и определенно: «Смерть панам, жидам и коммунистам!»

Махновцы к этому перечню прибавляли еще и «попов», а понятие «пан» распространяли на всех «белогвардейцев», в особенности на офицеров.

И когда последние попадались в руки махновцам, их постигала неминуемо лютая смерть.

В гораздо меньшей, почти незаметной, степени отражались в повстанчестве элементы политический и национальный (самостийный), которые привносили в дело только верхи.

Повстанчество действительно привело Директорию в Киев, но тотчас же сбросило ее, когда Петлюра попытался положить предел бесчинствам банд. Весною и летом 1919 года при

⁷² Аршинов П. История Махновского движения. Берлин, 1923.

⁷³ Между Екатеринославом – Елисаветградом – Александровском.

большевистском режиме прежние связи Директории с некоторыми из отрядов возобновились вновь, но едва ли не исключительно ради снабжения их деньгами, оружием и патронами, которые щедро отпускал петлюровский штаб. Интересы совпадали, и совместная борьба продолжалась, но борьба «против большевиков», а не «за Петлюру». Григорьев^[74] с херсонскими повстанцами в январе 1919 года изменил Петлюре и перешел к большевикам, а в апреле изменил большевикам. И в своем «универсале», понося и гетманщину, и петлюровщину и «московскую обжорку», призывал украинский народ «взять власть в свои руки»: «Пусть не будет диктатуры ни лица, ни партии. Да здравствует диктатура трудящегося народа!» При этом объявлял мобилизацию и разъяснял туманную форму этой «народной» диктатуры: «Приказ мой прошу исполнить, все остальное сделаю сам...» Махно^[75] отметил самостийность и искал «братской живой связи с революционной Украиной и революционной Россией»; дважды он поступал на службу к советской власти для совместной борьбы против Вооруженных сил Юга и дважды, по миновании в нем надобности, был разгромлен большевиками.

Наша киевская тайная организация по собственной инициативе связалась со штабом Зеленого^[76] в Триполье. Прибывших туда офицеров не допустили к самому атаману; они беседовали только с двумя лицами политического окружения его, назвавшимися один – бывшим редактором украинской газеты «Народная воля», а другой – бывшим офицером лейб-гвардии Измайловского полка Грудинским. Оба они заявили, что стоят на точке зрения независимости Украины. Ее должен отделять от Великороссии «кордон», так как «теперь среди белого дня происходит грабеж украинского хлеба». «Мы признаем советы, – говорили они, – но наши советы особые... Должна быть украинская советская республика». При этом редактор и измайловец уверяли, что Зеленый ни в каких отношениях с Петлюрой не состоит.

Повсюду в районе Зеленого расклеены были плакаты упрощенного политического содержания: «Хай живе Вильна Украина! Геть всеросси́скіх узурпаторів! Геть Раковского и жидів комиссарів!»^[77]

Все эти политические союзы, самостийные лозунги и схемы государственного устройства исходили или лично от «атаманов» и «батек», или от их политического окружения» вербовавшегося, главным образом, из украинских социалистов и тонкого слоя украинской полунинтеллигенции – сельских учителей, кооператоров и других – почти сплошь приверженцев Директории. В народе же и повстанчестве ни самостийничество, ни шовинизм сколько-нибудь серьезно не проявлялись. Если понятие «москаль» становилось одиозным, то вовсе не по признаку национальному, родовому, а по отождествлению его с теми пришлыми людьми – комиссарами, членами военно-революционных комитетов, чрезвычайек и карательных отрядов, с теми «кровапийцами и паразитами народными», которые сделали жизнь вконец непереносимой. К ним, и только к ним, оставалось неизменным чувство смертельной вражды.

Если на западе сохранилась все же известная видимость петлюровского влияния, то на востоке его не было никогда. Вообще, все стремления как националистических, так и партийных организаций овладеть повстанческим движением и использовать его в своих интересах не увенчались успехом. Оно оставалось до конца низовым, народным. Национализм его – от Сагайдачного, анархизм – от Стеньки Разина. К нему пристраивались украинские социалисты, но никогда не вели его.

⁷⁴ Бывший офицер.

⁷⁵ Махно – крестьянин села Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии. Последовательно – подпасок, батрак, рабочий-литейщик. В 1908 г., на 19-м году от роду, за убийство урядника приговорен был к повешению, замененному бессрочной каторгой. 9 лет провел в Бутырской каторжной тюрьме. В 1917 г. выпущен, как «политический», возвратился в свое село и начал формировать повстанческий отряд.

⁷⁶ О Зеленом имеются только сведения, что он окончил в Триполье двухклассное училище.

⁷⁷ За правильность правописания не ручаюсь.

Партия русских анархистов вначале не решилась отождествлять себя с махновщиной, заявив, что махновщина «не была определенной анархической организацией, будучи шире ее и являясь массовым социальным движением украинских тружеников». Тем не менее анархисты приложили к движению свой штамп и ныне облачают его легендой. Весною 1919 года в гуляй-польский район прибыли представители анархических организаций, и в том числе «конфедерации „Набат“». Анархисты взяли в свои руки „культурно-просветительный отдел армии“, стали издавать газеты „Набат“, „Путь к свободе“ и подводить „платформу“ и идеологию под махновское движение: „Отрицание принципа государственности и всякой власти, объединение трудящихся всего мира и всех национальностей, полное самоуправление трудящихся у себя на местах, введение вольных трудовых советов крестьянских и рабочих организаций...“ „Просветительная“ деятельность апостолов анархизма и практика повстанцев шли, однако, расходящимися путями. „Безвластные формы управления“ не получили никакого развития „по обстоятельствам военного времени“. Напротив, жизнь ответила погромами, „добровольной“ мобилизацией и самообложением – по типу, принятому в современной Венгрии^[78], и «добровольной» дисциплиной – со смертной казнью за неповиновение... Один из участников борьбы с махновцами, шедший долгое время по их следам, свидетельствует, что положение там мобилизованных, составлявших половину сил Махно, было весьма тяжелым: «Им не верили, их поролы плетью и за малейшее желание уклониться от службы расстреливали; в случае же неудачного боя бросали на произвол судьбы».

Легенда облачает и личность Махно – отважного и очень популярного разбойника и талантливого партизана – в одежды «идейного анархиста», хотя, по признанию его же биографа и апологета, «каторга была собственно единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие ему огромным подспорьем в его политической деятельности...»^[79] Но русский анархизм, давший всемирно известных теоретиков Кропоткина и Бакунина, в практической деятельности партии на всем протяжении Русской Смуты представляет один сплошной трагический фарс^[80]. И было бы, конечно, непредусмотрительным не присвоить себе единственного серьезного движения и не канонизировать в свои вожди Махно – столь яркую фигуру безвременья, хотя и с разбойничьим обликом... Тем более, что колесо истории может повернуться... На это обстоятельство рассчитывает также и польское правительство, проявившее в отношении Махно, интернированного в 1922–1924 годах в Польше^[81], несвойственное полякам благодущие. Махно считается, по-видимому, полезным сотрудником для будущего.

Действия повстанческих отрядов вносили подчас весьма серьезные осложнения в стратегию всех борющихся сторон, ослабляя попеременно то одну, то другую, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта. Объективно повстанчество являлось фактором положительным для нас на территории, занятой врагом, и тотчас же становилось ярко отрицательным, когда территория попадала в наши руки. Поэтому с повстанчеством вели борьбу все три режима – петлюровский, советский и добровольческий. Даже факты добровольного перехода к нам некоторых повстанческих банд являлись только тяжелой обузой, дискредитируя власть и армию. «Наибольшее зло, – писал мне генерал Драгомиров^[82], – это атаманы, перешедшие на нашу сторону, вроде Струка. Это типичный разбойник, которому суждена, несомненно, виселица.

⁷⁸ В Венгрии «нежелающих» поступить на военную службу среди лиц определенного возрастного ценза не может быть, так как с ними расправились бы жестоко.

⁷⁹ Аршинов П. История Махновского движения. Берлин, 1923.

⁸⁰ Между прочим, из-за матроса Железнякова, разогнавшего Учредительное собрание и впоследствии убитого в бою с добровольцами, идет большой спор между анархистами и коммунистами, оспаривающими друг у друга честь – числить его в своих рядах.

⁸¹ Известный процесс Махно по обвинению в военном заговоре с большевиками против Польши.

⁸² Главноначальствующий Киевской областью. Сентябрь 1919 г.

Принимать их к нам и сохранять их отряды – это только порочить наше дело. При первой возможности его отряд буду расформировывать». Вместе с тем генерал Драгомиров считал необходимым поставить борьбу с бандитизмом на первый план, ибо «ни о каком гражданском правопорядке невозможно говорить, пока мы не сумеем обеспечить самое элементарное спокойствие и безопасность личную и имущественную...».

Атаманство приносило с собой элементы дезорганизации и разложения; махновщина, кроме того, была наиболее антагонистична идее Белого движения. Эта точка зрения впоследствии, в крымский период, претерпела в глазах нового командования некоторые изменения. В июне 1920 года по поручению генерала Врангеля в стан Махно явился посланец, привезший письмо из штаба:

«Атаману Повстанческих войск Махно.

Русская армия идет исключительно против коммунистов с целью помочь народу избавиться от коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь.

Русские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен идти рука об руку с нами. Поэтому теперь усильте работу по борьбе с коммунистами, атакая на их тыл, разрушая транспорт и всемерно содействуя нам в окончательном разгроме войск Троцкого. Главное командование будет посильно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо и для согласования боевых действий.

Начальник штаба главнокомандующего Вооруженными силами,
Генерального штаба генерал-лейтенант Шатилов,
генерал-квартирмейстер, Генерального штаба генерал-майор Коновалов.

*18 июня 1920 года.
г. Мелитополь».*

На заседании повстанческого командного состава по инициативе Махно было решено: «Какой бы делегат ни был прислан от Врангеля и вообще справа, он должен быть казнен, и никаких ответов не может быть дано»^[83].

Посланца тут же публично казнили.

Я приведу общую оценку наследия, полученного нами от большевиков, исходящую из враждебного Белому движению меньшевистского лагеря^[84].

«Добровольческая армия шла, предшествуемая и поддерживаемая крестьянскими волнениями. В стране происходили глубокие сдвиги... Широкие слои населения оказались захваченными национально-реакционными настроениями. В эти дни национального психоза, взрыва утробной ненависти к революции, диких расправ на улицах над коммунистами и „коммунистами“ те, кто был против Добровольческой армии, представляли из себя узкую и вынужденно молчаливую общественную среду, одиноко затерявшуюся среди поднявшихся волн враждебных настроений.

⁸³ Аршинов П. История Махновского движения. Берлин, 1923.

⁸⁴ Кучин-Оранский Г. Добровольческая зубатовщина. Киев, 1924.

Обнаружилось и еще одно явление. Крыло реакционных настроений коснулось и рабочей массы. Как могло это случиться? Это глубоко интересный и важный политический и социально-психологический вопрос. Ответ на него лежит в том историческом материале, который характеризует советскую фазу 1919 года. В ней – корни позднейших настроений... На разбитой, разворошенной украинской почве большевистский терроризм в этот период вырос в анархическое, антиобщественное явление. Специальные условия места и времени создавали какую-то гипертрофию «военного коммунизма». Деклассированные элементы получали все большую свободу своего формирования и господства. Делались тысячи нелепостей и преступлений. Кровь лилась потоками бесцельно, как никогда. Положение рабочих организаций становилось все более стесненным. Изоляция власти от пролетариата шла подстегнуто быстрыми шагами. Быстро сгорали иллюзии и настроения после «петлюровской весны».

Сильное распространение разочарования, настроений недовольства и часто озлобления на почве указанных общих свойств политики предыдущего периода (советского) и продовольственного кризиса замечалось в пролетариате все более ярко...»

На русском «погосте» еще не смолкли «плач и рыдания» у свежих могил, у гекатомб, воздвигнутых кровавой работой Лациса, Петерса, Кедрова, Саенко и других, в проклятой памяти чрезвычайках, «подвалах», «оврагах», «кораблях смерти» Царицына, Харькова, Полтавы, Киева... Различны были способы мучений и истребления русских людей, но неизменной оставалась система террора, проповедуемая открыто с торжествующей наглостью. На Кавказе чекисты рубили людей тупыми шашками над вырытой приговоренными к смерти могилой; в Царицыне удушали в темном, смрадном трюме баржи, где обычно до 800 человек по несколько месяцев жили, спали, ели и тут же... испражнялись... В Харькове специализировались в скальпировании и снимании «перчаток». Повсюду избивали до полусмерти, иногда хоронили заживо. Сколько жертв унес большевистский террор, мы не узнаем никогда^[85]. Безумная большевистская власть не щадила ни «алой», ни «черной» крови, земля оделась в траур, и приход армии-освободительницы отзывался как радостный благовест в измученных душах.

Иногда, впрочем, в этот радостный перелив врывались тревожные звуки набата... Так было в Екатеринославе, в Воронеже, Кременчуге, Конотопе, Фастове и в других местах, где набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла и грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов.

Никаких, решительно никаких оправданий этому явлению не может быть. И не для умаления вины и масштаба содеянных преступлений, но для уразумения тогдашних настроений и взаимоотношений я приведу слова человека, окунувшегося в самую гущу воспоминаний, свидетельств и синодиков страшного времени:

«Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Эта система, нашедшая своих идеологов, эта система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение.

⁸⁵ «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков» исчисляла число жертв террора за 1918–1919 гг. в 1700 тысяч человек.

«Белый» террор – явление иного порядка. Это прежде всего эксцессы на почве разнузданности власти и мести. Где и когда в актах правительственной политики и даже в публицистике этого лагеря вы найдете теоретическое обоснование террора, как системы власти? Где и когда звучали голоса с призывом к систематическим, официальным убийствам? Где и когда это было в правительстве генерала Деникина, адмирала Колчака или барона Врангеля?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.